1812.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

К 36

МѢСЯЦЪ МАРТЪ

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

РѢЧЬ,

о Любви къ Отечеству (*).

Какъ подъ благотворнымъ климатомъ Индіи все растущее во всѣ времена года цвѣтетъ, зеленѣетъ, зрѣетъ, чувствуетъ силу и ща-

(*) Говоренная при первомъ торжественномъ (1805 Апрѣля 2).) открытіи Демидовскаго вышнихъ наукъ Училища въ Ярославлѣ, древней и новой Литературы и Россійскаго Краснорѣчія Профессоромъ тамъ бывшимъ Иваномъ Срезневскимъ. Рѣчь сія до сихъ поръ нигдѣ еще не была напечатана; потому что Сочинитель предполагалъ въ ней здѣлать поправки. Издатели, выпросивъ у него позволеніе напечатать ее въ томъ точно видѣ, какъ она говорена была, — не находятъ даже мѣстъ, какія бы требовали поправленія и смѣютъ надѣяться, что ихъ читатели — при всей строгости въ сужденіи — больше припишутъ

стïе бытïя своего: подобнымъ образомъ, Почтеннѣйшïе Слушатели! подъ благотворнымъ скипетромъ Августѣйшаго Монарха АЛЕКСАНДРА I-го все возникаетъ, все цвѣтетъ, все красуется, все веселится, все приходитъ въ совершенство. Ни одно состоянïе, ни одно сословïе людей въ Его державѣ не отвержено отъ лица Его. Великая душа Его неусыпно бодрствуетъ надъ благомъ подданныхъ, Богомъ Ему ввѣренныхъ. И естьли то истинна, что Цари не для себя существуютъ, — а для щастïя народовъ ими обладаемыхъ; то Исторïя вѣка нашего покажетъ грядущему потомству почти единственный примѣръ сего въ юномъ Монархѣ нашемъ нынѣ благополучно царствующемъ.

Обозрите мысленными очами ту часть полвселенной, надъ которою кроткая десница Его простираетъ жезлъ правленïя; — обозрите всѣ предѣлы обширной Россïи — отъ моря до моря и отъ

скромности Сочинителя, а не необходимости въ поправкахъ: — по чему онъ такъ долго лишалъ ученый свѣтъ, скажемъ, образцоваго произведенïя въ семъ родѣ. —

конецъ до конецъ земли, отъ Бельта до отдаленныхъ Алеутовъ, отъ Эвксина и Каспія до моря Карскаго и до земель вѣчнымъ льдомъ покрытыхъ! — Куда не проникло пресвѣтлое око Его? Чего не озарило свѣтозарное лице Его? — Тамъ на четырехъ моряхъ пространныхъ развѣваются Россійскіе флаги — страшные самымъ *страшнымъ*; тамъ строятся полки и въ мирной — но бодрственной тишинѣ, ужасая сильныхъ сопротивниковъ и препиная путь къ непріязненнымъ покушеніямъ, чорную зависть въ молчаніи скрежетать заставляютъ; тамъ возникаютъ новыя пристани и отверзаютъ для Россіи неизсякаемые источники богатства; тамъ — гдѣ прежде были обширныя степи никѣмъ необладаемыя, гдѣ отъ унылыхъ вѣтровъ только волновался сребристый ковыль, — тамъ теперь ходятъ волы съ плугами земледѣльцевъ, тамъ струятся желтые классы и услаждаютъ сердца трудолюбивыхъ жателей; оттуда отправляется Россійское жито въ отдаленныя Государства, — доставляетъ дѣлателю награду трудовъ его и ободряетъ

время отъ времяни болѣе промышленность сего рода; — тамъ корабли Россійскіе съ отважностію Колумба разсѣкаютъ волны неизвѣстнаго, отдаленнѣйшаго океана и обогащаютъ кругъ познаній новыми открытіями; — тамъ богатая Америка, сблизивъ западъ свой съ востокомъ Россіи, доставляетъ ей въ великомъ множествѣ избытки своихъ произведеній. — И такимъ образомъ дѣятельная промышленность соотечественниковъ нашихъ, подкрѣпляемыя силою и щедротами Монаршими, всюду разпространяетъ свои вѣтви! —

Но тщетный и силу моего ума превосходящій подвигъ — описывать подробно всѣ великія дѣянія и неусыпныя попеченія чадолюбиваго Монарха нашего,— среди коихъ, какъ ясное свѣтило дня, блистаетъ любовь Его къ подданнымъ, всюду стремится сильнѣйшее расположеніе духа ко благу народа своего: пусть щастливѣйшій меня силою краснорѣчія орапюръ изобразитъ всѣ неизобразимые подвиги Его къ щастію Отечества предпріемлемые; пусть

представитъ намъ живо, какъ умъ Его — въ намѣреніяхъ великій — тщится побѣдить естества уставы, чтобъ болѣе имѣть силы къ содѣланію блага роду человѣческому! Я не дерзну прикоснуться къ прагу сего таинственнаго святилища — для однихъ высокихъ умовъ дозволеннаго!—

Воззримъ только на предмѣтъ повсемѣстнаго просвѣщенія; — и мы увидимъ въ семъ, сколько мудрый Монархъ нашъ печется о существенномъ благополучіи народа своего! — какою нѣжною любовію дышетъ сердце Его къ подданнымъ своимъ! — Блаженной и вѣчной памяти достойные Предки Его: ПЕТРЪ Великій, проницая великимъ духомъ пользу отъ просвѣщенія, насадилъ — сколько тогда обстоятельства Россіи позволяли,— нѣкоторые вертограды наукъ и, подобно Зевесу, далъ бытіе Музамъ. Достойная Дщерь Его Кроткая ЕЛИСАВЕТА распространила намѣренія премудраго Родителя своего и милосерднымъ воззрѣніемъ вновь одушевила, ободрила умы къ занятію въ наукахъ. Великая ЕКАТЕРИНА распространила сію отрасль Государственнаго

благоденствія во всѣхъ предѣлахъ, на всѣ состоянія своей державы; — Ея намѣренія были обширны и велики по сему предмѣту; но они не успѣли достигнуть предположеннаго конца во время мудраго Ея царствованія. Юный Внукъ одушевленный великимъ духомъ мудрой Бабки своей, шествующій нынѣ яко стопамъ Ея со славою, обозрѣвъ планъ заведеній сего рода — увидѣлъ: что Народныя Училища, по недостатку нужнѣйшихъ частей просвѣщенія, не могли производить людей отечеству совершенно полезныхъ; что бѣдные не имѣли способовъ къ воспитанію дѣтей своихъ; что богатые, введши въ обычай домашнее изнѣженное воспитаніе, — но не имѣя средствъ сыскивать достойныхъ и опытныхъ во всѣхъ частяхъ наставниковъ, побольшой части воспитывали превратнымъ образомъ, и не только безъ пользы, — но часто со вредомъ для Отечества; что иностранные воспитатели часто безъ дальнихъ свѣденій, часто безъ образованнаго сердца, ищущіе куска хлѣба въ Россіи, — не только не внушали въ своихъ

воспитанниковъ любви къ Отечеству, — но нерѣдко развращали мягкія сердца, вкореняя отвращеніе къ добродѣтели и Отечеству; — увидѣлъ — и нашелъ необходимостію основать многіе Университеты, въ которыхъ бы благородное юношество могло быть воспитываемо съ надлежащею цѣлію для Отечества; — увидѣлъ: что люди посвятившіе себя наукамъ, утѣсненные бѣдностію, не могли имѣть способовъ къ дальнѣйшему усовершенствованію своихъ познаній; — увидѣлъ, и излилъ на нихъ Высокомонаршія щедроты свои; — увидѣлъ: что гражданскія власти часто во зло употребляли права свои надъ симъ родомъ людей и, сжимая такъ сказать таланты ихъ, не воздавали достойной цѣны трудамъ ихъ, — увидѣлъ, что такое униженіе учащихъ унижало самой образъ воспитанія — и оградилъ ихъ крѣпкою десницею своею, утвердивъ неизмѣняемо права и преимущества ихъ и препоручивъ попеченію мужей, знаніями и благоразумiемъ извѣстныхъ, благородными чувствованіями украшенныхъ и достойную цѣну ученымъ упражненіямъ воздавать умѣющихъ. Все сіе не ясноли по-

казываетъ Его неусыпное попеченіе объ утвержденіи незыблемаго благоденствія Россіи? Не ясно ли живописуетъ отеческую любовь Его къ подданнымъ? —

Сей Высокомонаршій примѣръ и въ самыхъ подданныхъ возбудилъ сильныя чувства къ общественному благу, возродилъ любовь къ отечеству. Такъ, Поч. Слушатели! мы видимъ теперь въ Отечествѣ своемъ мужей посвятившихъ труды и таланты свои на служеніе общественному благу; видимъ мужей съ непоколебимою вѣрностію облегчающихъ тяготу скипетродержавія; видимъ мужей предускоряющихъ мудрыя намѣренія Монарха; видимъ пожертвовавшихъ цѣлыми милліонами для общаго блага соотечественниковъ нашихъ! И самой день сей — есть день великаго жертвоприношенія Отечеству; самое мѣсто сіе — есть храмъ воздвигнутый во славу и пользу Отечества. И гдѣ приличнѣе посвятимъ даръ слова *Любви къ Отечеству*, какъ не тамъ — гдѣ зиждутся таковые храмы для служенія ему, гдѣ приносятся таковыя жертвы для благоденствія согражданъ? —

Благодѣтельная дщерь небесъ! Ты, которая украшаешъ троны Царей, укрѣпляешъ силу народовъ, одушевляешъ истинныхъ сыновъ своихъ ко благу общему — *Любовь Отечества!* Одушеви слабый духъ оратора, — дай мнѣ силу слова вѣщать о силѣ и дѣйствіяхъ твоихъ!..... Открой мнѣ времяна протекшія, покажи блаженствовавшіе тобою народы; представь во всемъ величіи сыновъ, пожертвовавшихъ собою благоденствію отечества; укрась простотою и искренностію мое слово, да источитъ оно, подобно твердому кремню искры изъ хладной стали!! —

Прежде изслѣдованія о силѣ и дѣйствіяхъ любви къ отечеству, встрѣчаются два важные вопроса: *что такое отечество? что такое любовь къ отечеству?* — Въ самомъ дѣлѣ на сіи вопросы много было разныхъ истолкованій — и по большой части нелѣпыхъ. Одинъ говоритъ: *отечество есть то мѣсто, гдѣ жить хорошо.* Отвѣтъ довольно острый но обманчивый: всякъ по своему вѣситъ и мѣряетъ, что значитъ *жить хорошо.* Разбой-

никъ думаетъ, — что тамъ для него жизнь щастливая, гдѣ грабежъ и убѣйство не почитаются важными злодѣянїями; тайный хищникъ тѣ мѣста почитаетъ раемъ, гдѣ простота златаго вѣка — увѣренная въ добросердечїи собратїй своихъ — нимало не беретъ предосторожности о сохраненїи своей собственности; сребролюбецъ полагаетъ свое отечество тамъ, гдѣ злато и сребро могутъ течь къ нему рѣкою; мздоимецъ тамъ благословляетъ жизнь свою, гдѣ на мздоимство не обращаютъ вниманїя; неправедный судїя ту страну почитаетъ блаженною, гдѣ гражданскїе законы можно всегда изъяснять въ свою выгоду и гдѣ справедливость не находитъ себѣ защиты; неключимый тунеядецъ устремляетъ всѣ мысли свои въ тотъ край, гдѣ можно жить весело безъ всякаго труда на щетъ ближнихъ; кичащїйся древностїю произхожденїя своего то мѣсто почитаетъ не достойнымъ своего пребыванїя, гдѣ въ уваженїи личныя достоинства, — а не порода; надмѣнной Сатрапъ щитаетъ то Государство ниже себя, гдѣ законы ему не позволяютъ

утѣснять подчиненныхъ и гдѣ невинный можетъ стоять на одной доскѣ съ начальникомъ; — словомъ: сколько недѣлимыхъ въ родѣ человѣческомъ,— столько разныхъ понятій о щастіи жизни, столько разныхъ мнѣній объ отечествѣ. Но поставь разбойника въ царствѣ разбойниковъ,—гдѣ бы онъ, грабя и убивая своихъ собратій, самъ долженъ былъ ежеминутно ожидать подобнаго жребія,—и онъ будетъ проклинать свое отечество; поставь хищника въ царствѣ хищниковъ, гдѣ бы онъ, производя свои хищенія, равномѣрно и самъ могъ терять собственность отъ хищенія другихъ,— и онъ будетъ проклинать свое отечество; поставь неправеднаго судію на мѣсто того, кто обвиненъ имъ неправедно, — и онъ будетъ проклинать законы неправый судъ на него изрекшіе; здѣлай тиранна подданнымъ другому тиранну, — и онъ будетъ проклинать руку надъ нимъ тяготѣющую; поставь всякаго, изключая добродѣтельнаго, въ родѣ людей ему подобныхъ, — скажи: ты имѣешь право обижать ближняго и ближній имѣетъ право обижать тебя безъ всякаго взысканія за то по за-

конамъ; — тогда онъ съ ужасомъ отступитъ отъ правъ своихъ. И такъ, есть-ли мы по своимъ страстямъ и склонностямъ станемъ почитать отечествомъ то мѣсто, гдѣ намъ *жить хорошо*; то ни одно общество устоять не можетъ, и понимать въ такомъ смыслѣ слово *отечество*, — значитъ хотѣть пользоваться *правомъ сильнѣйшаго*.

Суемудрый Космополитъ, не приверженъ будучи ни къ какому мѣсту, ни къ какому народу, забывъ колыбѣль своего младенчества, забывъ сосцы его питавшіе, скажетъ: *цѣлый свѣтъ мое отечество*. — Ты величественно судишь, хладнокровный мудрецъ! Какая мысль можетъ быть лестнѣе сей для ума человѣческаго? Но посели тебя на необитаемомъ островѣ, — гдѣ нѣтъ сочеловѣка, которой бы защищалъ тебя отъ челюстей звѣриныхъ; поставь между дикихъ народовъ, — гдѣ нѣтъ сострадущаго ни гладу, ни жаждѣ твоей, — гдѣ нѣтъ людей, которые бы вняли словамъ твоимъ, которые бы почтили таланты твои, — гдѣ нѣтъ руки охраняющей цѣлость твою; — и ты скажешь: *тутъ*

нѣтъ моего отечества. И такъ признайся, хитрый обитатель цѣлаго свѣта! ты это говоришь отъ того только, что почитаешь себя обиженнымъ — или не достойно принятымъ въ твоей землѣ; признайся, ты не любишь никакого народа,— ты самъ себя обманываешь и любишь только тѣхъ, которые жертвуютъ твоему самолюбію, или — ты любишь только самаго себя! Ты ищешь тамъ своего отечества, гдѣ можно тебѣ быть властелиномъ, а не подвластнымъ, — гдѣ можешь давать законы, а не повиноваться имъ; — вообрази же, что цѣлый свѣтъ будетъ судить такъ высокомѣрно, какъ судишь ты; представь ту же самую, по твоему забавную картину, что всѣ люди станутъ скитаться, переходя съ мѣста на мѣсто — чтобъ найти себѣ отечество,— всѣ люди станутъ искать себѣ власти, а не повиновенія; — можетъ ли тогда составиться какое нибудь общество? Но ты скажешь: нельзя *всѣмъ* такъ думать;— какоежъ исключительное право имѣешъ ты *одинъ* такъ думать? и идеалъ *всемірнаго отечества* не естьли произведеніе

сумазброднаго воображенія?. . . .— Надобно избрать мѣсто, которое бы можно было назвать *своимъ мѣстомъ*; надобно избрать народъ, которой бы можно было назвать *своимъ народомъ*: надобно избрать главу, которую бы можно было назвать *своею главою*; надобно поклясться исполнять законы, которые бы можно было назвать *своими законами*! —

Добродушный простолюдимъ назоветъ своимъ отечествомъ то мѣсто, гдѣ онъ изпустилъ первый вопль по рожденіи своемъ, — гдѣ онъ началъ развертывать простыя понятія свои, — гдѣ началъ привыкать къ языку и къ нравамъ собратій своихъ, — гдѣ научился пасти стада свои, воздѣлывать поля свои. — Онъ столько приверженъ къ *этому* отечеству, что скорѣе согласится изъ камня доставать себѣ насущный хлѣбъ, нежели перемѣнить мѣсто рожденія своего, — самый великолѣпный городъ почтетъ несноснымъ для себя заточеніемъ. — И онъ правъ въ мысляхъ своихъ, — онъ имѣетъ свое отечество!

Но что представляетъ себѣ подъ имянемъ отечества здравомыслящій гражданинъ, который не ограничиваетъ онаго кругомъ зрѣнія своего, который думаетъ не о себѣ только самомъ,— но о великомъ цѣломъ, коего часть онъ составляетъ? — „Для него имя отечества, какъ нѣкто ска„залъ,— свято и вожделѣнно: оно изобра„жаетъ ему отца, дѣтей, семейство; из„ображаетъ власть и подчиненность. — „но вмѣстѣ безопасность и свободу; по„рядокъ, строгость, труды и пожертво„ванія, — но вмѣстѣ щастіе и спокой„ствіе. Отечество намъ даетъ жизнь „и хранитъ ее; оно не терпитъ ни како„го зла въ нѣдрѣ своемъ, кромѣ зла неиз„бѣжнаго — болѣзни и смерти; не постав„ляетъ другаго различія между чадъ сво„ихъ, кромѣ различія добродѣтели, талан„товъ, заслугъ и никому не возбраняетъ „пути къ возвышенію и славѣ. Оно изрѣ„каетъ законы и вѣряетъ стражу надъ „ними Архонтамъ, Кесарямъ или Царямъ;— „но само бодрствуетъ надъ сими стража„ми и строгимъ окомъ назираетъ ихъ дѣ„янія. — Это мать — нѣжнѣйшая; это

„власть — священнѣйшая, современная на„чалу обществъ; это божество — неот„вергающее ни чьихъ моленій и для того „только приемлющее дары и приношенія, „чтобы раздѣлять ихъ приносящимъ! Съ „свѣтлою улыбкою веселія взираетъ оно „на добрыхъ и, бросая громъ на злыхъ, воз„дыхаетъ!!“ —

Что*ж* такое *любовь къ отечеству?* „*Она есть*, говоритъ тотъ же Авторъ, *любовь къ порядку, къ устройству, къ законамъ, къ добродѣтели, къ общему и собственному благу*.„—Очень хорошо объяснена любовь къ отечеству; но это любовь хладнокровная: ибо она съ *условіями*. Кто любитъ отечество потому только, что видитъ въ немъ порядокъ, устройство, благо общее и собственное; тотъ почтетъ себя въ правѣ сдѣлаться измѣнникомъ своему отечеству, какъ скоро примѣтитъ въ немъ недостатокъ сихъ качествъ. Такимъ образомъ только умершій для всѣхъ чувствъ сердечныхъ старецъ даетъ урокъ пылкому юношѣ. Нѣтъ, любовь есть страсть, — любовь къ отечеству есть страсть сильнѣйшая и щастливѣйшая для Государства;

она всегда юна, никогда не погашаетъ пламени своего! Кто прямо любитъ свое отечество, тотъ не судитъ о причинахъ любви своей: онъ видитъ въ немъ неустройства, видитъ злоупотребленія и, вздыхая втайнѣ, не престаетъ еще любить тотъ народъ, которому одинъ разъ поклялся быть сочленомъ. Онъ всѣ силы, всѣ способности приноситъ въ жертву отечеству и не измѣряетъ заслугъ своихъ цѣною награды. Ему и горькій дымъ своего отечества пріятенъ! „Для него, „по словамъ Платона, (*) отечество дороже отца, матери, всѣхъ родныхъ и друзей. Онъ боготворитъ его, — повинуется „ему болѣе, нежели отцу своему; все переноситъ для него съ терпѣливостію: наказанія, раны, узы и самую смерть. Онъ не „отклоняется, не отступаетъ и не отторгается отъ того порядка, который въ „оном установленъ. На войнѣ, въ судѣ и „вездѣ исполняетъ съ ревностію то, что „повелитъ ему *отечество*.„ — Или, какъ говоритъ Цицеронъ сыну своему: „ когда ты обо всемъ здраво разсуждать станешъ; то

(*) Talis ne tua sapientia est, et caet. Plato, Dialogus V.

увидитъ, что изъ всѣхъ обществъ нѣтъ любезнѣе того, въ которомъ каждый изъ насъ имѣетъ участïе: милы родители, милы дѣти, родственники, друзья; но всѣ сïи привязанности заключаетъ въ себѣ одно отечество.„ (*).

Такïя чувства великихъ людей покажутся суетными умствованïями хладнокровнымъ самолюбцамъ,— кои никогда не помышляли о связи обществъ, о необходимомъ соучастïи единоплеменныхъ, о благѣ народномъ. — Но истинный гражданинъ, но человѣкъ не всуе носящïй на себѣ образъ всеблагаго — премудраго Божества, представляетъ въ умѣ своемъ всю силу сихъ великихъ мыслей,— чувствуетъ въ сердцѣ своемъ всю возможность событïя оныхъ; а великïе образцы, въ лѣтописяхъ человѣчества представляемые, утверждаютъ его чувствованïя! —

Возмемъ въ примѣръ Государя, который совершенно понимаетъ долгъ званïя своего, — который совершенно любитъ подданныхъ своихъ; — онъ, принимая въ

(*) Cum omnia ratione et cæt. Cicero in lib. I. de officiis, ad filium suum, cap. 22.

десницу свою жезлъ правленія, обязуется жить — лишь для народа своего, — посвящаетъ покой свой — его успокоенію, — обѣщается давать ему законы — полезные и справедливые, — клянется не имѣть иной воли — кромѣ согласной съ сими законами. Чѣмъ онъ могущественнѣе становится надъ народомъ, тѣмъ менѣе почитаетъ себя свободнымъ; онъ не обинуется отдавать отчетъ въ своихъ слабостяхъ, въ страстяхъ, въ заблужденіяхъ; онъ отрекается самаго себя, когда соглашается царствовать. — Такъ мочно мыслили Антонинъ, Маркъ Аврелій, Титъ; одинъ говоритъ: *я не имѣю ничего собственнаго*; другой: *и самый дворецъ мой, не мой есть*; третій щитаетъ тотъ день потеряннымъ, котораго не ознаменовалъ онъ какимъ нибудь благотвореніемъ. Исторія царствъ земныхъ сберегла для насъ еще нѣсколько примѣровъ симъ подобныхъ; но мы оставимъ Тезеевъ, Кодровъ, Эдиповъ, которыхъ царствованіе и дѣла болѣе баснословны, нежели истинны, — и перейдемъ къ нашему любезному отечеству. Почт. Слуш. что можетъ быть сла-

достнѣе воспоминанїя великихъ примѣровъ въ собственномъ отечествѣ? Что можетъ быть наставительнѣе для ума и питательнѣе для сердца?— Кромѣ другихъ многихъ мы увидимъ въ лѣтописяхъ нашихъ Царя, — котораго вся жизнь посвящена была на благо народа своего; Царя, котораго всѣ дѣянїя будутъ казаться неудобовѣроятными во времяна грядущїя; Царя, которому не было равныхъ во времянахъ протекшихъ; — увидимъ Великаго ПЕТРА — увидимъ просвѣтителя и спасителя Россїи!! — Кому не извѣстно изъ соотечественниковъ нашихъ, сколь велика — сколь неограниченна была любовь Его къ подданнымъ? Какихъ трудовъ, какихъ непріятностей, какихъ пожертвованїй не переносилъ онъ для утвержденїя благоденствa ихъ на незыблемомъ основанїи? — Какой Монархъ сравнится съ нимъ въ великодушїи, — когда онъ, находясь въ осадѣ у непріятеля и бывъ въ опасности — здѣлаться плѣнникомъ онаго, даетъ приказъ Сенату: чтобъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ будетъ въ плѣнѣ, не почитать его Государемъ своимъ и не по-

виноваться никакимъ предписаніямъ его. Что можетъ быть разительнѣе, когда онъ — подобно преблагому Богу — не пожалѣлъ и сына своего для спасенія отечества? — Если ли прошедшее восхищаетъ сердца наши; то кольми паче настоящее приводитъ въ восторгъ духъ истинныхъ Россіянъ: мы созерцаемъ нынѣ въ АЛЕКСАНДРѢ Первомъ Ангела мира и щедротъ, созерцаемъ утѣху рода человѣческаго, созерцаемъ божественный образъ самой Любви къ Отечеству!!—

Представимъ себѣ величественную картину: что цѣлое воинство, одушевленное любовію къ Отечеству, идетъ противъ непріятеля — или защищать права народныя, или отмщать оскорбленную честь Главы отечества; представимъ, какъ каждый въ немъ воинъ до энтузіазма напоенъ сильными чувствованіями: что онъ идетъ защищать поля — которыя питаютъ его, жилища — собратій своихъ, гробы — отцевъ своихъ, ложа — женъ своихъ, колыбели — дѣтей своихъ; представимъ, какъ мужественный и благоразумный вождь такое имѣетъ о

воинствѣ попеченіе, что не имѣя въ виду ни собственной пользы, ни собственной чести и славы, — не жалѣетъ и собственной жизни; — а дыша единственно любовію къ отечеству, помышляетъ только о благоденствіи онаго, о славѣ, о чести отечественнаго оружія и монарха своего; — и что можетъ противу стать столь твердому оплоту отечества? Что можетъ устрашить сонмъ героевъ, кои всѣ единодушно поклялись положить жизнь свою за цѣлость отечества? — Съ такими-то чувствами триста Спартанцевъ, подъ предводительствомъ царя своего Леонида, не устрашились грудь свою поставить въ преграду страшному Персидскому воинству! — Они пали, Почт. Слуш.! они всѣ пали мертвы и одна могила сокрыла прахи ихъ; — но паденіемъ своимъ они спасли отечество отъ неминуемаго паденія; — вотъ ихъ честолюбіе, вотъ ихъ награда! — Такимъ образомъ Марафонское сраженіе было торжествомъ — любви къ отечеству. Сіи-то чувства выражалъ юный Эпаминондъ, когда умирая за отечество, говорилъ своимъ воинамъ: „не почитайте этаго дня кон-

„цемъ моей жизни; онъ есть начало моего „блаженства и верьхъ моей славы: я о„ставляю Оивянъ торжествующихъ!„ — Многихъ Героевъ видѣлъ у себя и Римъ, пока самолюбіе и корысть не овладѣли умами гражданъ его.

И такъ сіи великіе примѣры утверждаютъ, что любовь геройская къ отечеству — не есть мечта воображенія. Но мы слишкомъ были бы нещастливы, естьлибъ только постороннимъ и отдаленнымъ отъ народа и вѣка нашего примѣрамъ удивляться могли,—естьли бы подобныхъ опытовъ приверженности и геройскихъ пожертвованій отечеству не находили въ родѣ нашемъ. Россія, отъ глубокой древности до нынѣшнихъ времянъ, почти безпрерывно имѣла случаи утѣшаться геройскою вѣрностію и храбростію сыновъ своихъ. Въ самые смутные годы, когда въ ней единство духа народнаго было раздроблено на многія части, — были герои, которые показали любовь къ отечеству и крѣпость силы народной только отъ всеобщаго унынія на время ослабѣвшей. Не входя въ

подробное изслѣдованіе всѣхъ случаевъ, гдѣ Славяне, предки наши, доказали приверженность свою къ отечественной пользѣ и славѣ, вспомнимъ о Куликовомъ Полѣ,— и оно представитъ намъ картину Мараѳонской долины. Князь Пожарской превосходитъ Эпаминонда, спасши отечество отъ ига чужеземцовъ. А Полтавское сраженіе? О! Это есть трїумфъ, который вѣчно будетъ напоминать Россіи вѣрность сыновъ ея къ трону и любовь къ отечеству!! — И въ наши времяна видѣли мы у себя добродушныхъ Камилловъ, видѣли мудрыхъ Фабіевъ, видѣли отважныхъ Сципіоновъ; Царства Оттомановъ, Сармашовъ и Финновъ — суть свидѣтели храбрости Россійской, происходящей отъ любви къ отечеству и къ престолу. Кто не знаетъ, какъ Италійскій Герой, изъ одной приверженности къ благу общему, ко славѣ царства и къ чести Царей своихъ, забывъ нанесенныя ему огорченія,— шествовалъ съ трїумфомъ по стопамъ Ганнибала и, наказуя буйство, возвращалъ короны — поддерживалъ зыблющіеся престолы Государей Европейскихъ?— Вы, ко-

торые сопровождали его на пути славы (*), вы свидѣтели его неутомимыхъ подвиговъ, его предпрїимчивости, его мужества, его неустрашимости, его безпримѣрной добродѣтели, его безкорыстїя и наконецъ его приверженности къ Трону и Отечеству. Да промчится память его въ роды родовъ, отъ вѣка въ вѣкъ! Да возродитъ щастливое соревнованїе въ соотечественникахъ нашихъ ко славѣ и благоденствїю Россїи!!

Но не въ однихъ только подвигахъ геройскихъ оказывается любовь къ отечеству; и въ мирѣ, и въ тишинѣ, внутри стѣнъ своихъ истинный гражданинъ такъ же можетъ жертвовать оному, какъ и ратникъ на Марсовомъ полѣ. — Любовь есть пламень; она, какъ молнїя, перелетаетъ во всѣ состоянїя людей: сила, искуство, промышленность, просвѣщенїе, дарованїя, добродѣтели, — все можетъ слу-

(*) Въ сіе время присутствовалъ Князь Горчаковъ, Тамбовскаго мушкетерскаго полку Шефъ, съ Штабъ и Оберъ-Офицерами, которые были съ Княземъ Италійскимъ въ Швейцаріи. —

жить, все можетъ приносить дань отечеству. Сократы, Фокіоны, Цицероны, Меценаты, Сюлли и Колберты не въ рыцарскихъ доспѣхахъ,— но въ мирныхъ тогахъ до сихъ поръ удивляютъ свѣтъ ревностію своею къ общему благу. Представимъ министра, или Монархова наперсника, которой бы истинно любилъ свое отечество; — онъ долженъ быть не иной, какъ человѣкъ просвѣщенный, трудолюбивый, всегда равно удобоприступный, преданный Отечеству и Государю; онъ забываетъ самаго себя и ничего не видитъ, кромѣ блага общественнаго; онъ для собственной пользы не станетъ удовлетворять порочнымъ прихотямъ Монарха своего. Онъ почитаетъ себя защитникомъ истинны и безъ содроганія духа говоритъ ее предъ тономъ. Никакое лицепріятіе, никакое корыстолюбіе не поколебаетъ сердца его; никакой гнѣвъ, ниже самое низверженіе не ужасаетъ его; онъ боится только того, что не будетъ въ состояніи здѣлать столько добра отечеству, сколько его способности позволяютъ. Онъ въ глазахъ Государя, въ глазахъ народа, въ глазахъ мудраго, въ

глазахъ самой зависти можетъ смѣло показаться такимъ, каковъ онъ есть. Ему не нужно прикрывать себя пышностію породы; такія помпы приличны только тѣмъ, которые не имѣютъ личныхъ достоинствъ и хотятъ заслѣпить глаза зрителей, чтобъ не примѣтили ихъ недостатковъ. Почтеніе его само предваряетъ, уваженіе его окружаетъ, его добродѣтель покрываетъ его всего, — она его свита и великолѣпіе!

Что сказано о министрѣ и любимцѣ трона; тѣ же обязанности принимаютъ на себя всѣ тѣ, которые удостоиваются полной довѣренности Монаршей въ правленіи областей, которымъ ввѣряется попеченіе о благоденствіи цѣлыхъ провинцій, которымъ вручаются вѣсы правосудія. Не скажетъ ли кто, что нѣтъ опытовъ такой строгой добродѣтели? . . . . . А Сократы, а Аристиды, а Бруты, а Регулы, а Фабриціи, а Катоны, а Долгорукіе развѣ не доказали примѣромъ своимъ возможности таковыхъ свойствъ? — Признаться надобно, мы часто потому ищемъ иныя дѣянія не сбыточными въ человѣчествѣ, что хотимъ сколько

нибудь защитить тѣмъ, или утѣшить слабость собственнаго духа.

Наконецъ какая приятная, — какая разительная картина представляется взорамъ нашимъ, когда видимъ, — что честный человѣкъ, не имѣющій никакого участія въ правленіи, не имущій никакихъ почестей, никакаго вознагражденія, — а единственно изъ сильнаго желанія содѣлать существенную пользу Отечеству, содѣлать неизмѣняемое и всегда ощутительное благо согражданамъ — жертвуетъ Отечеству всѣмъ своимъ имѣніемъ, трудами и бережливостію цѣлой жизни своей, отказывая самому себѣ не только во введенныхъ прихотяхъ, но и въ нужныхъ издержкахъ!! Поч. Слуш.! Вы понимаете, къ чему клонится слово мое и радостныя лица ваши ясно показываютъ желаніе услышать нелестную хвалу согражданину, сочлену вашему — основателю сего священнаго Авенея — Демидову. Но я боюсь, что никакая наша хвала не будетъ достойна его дѣянія; — боюсь огорчить ту великую душу, которая дѣйствовала не для славы, не для

молвы народной, даже и не для благодарности; которая, подобно Божеству, довольна одною своею добродѣтелію, одною благостію своею, — и въ полнотѣ чувствъ своихъ ушѣшается грядущею пользою. — Пускай грубое невѣжество, пускай ядовитая зависть, пускай хитрая злоба изощряютъ, какъ бритву, языкъ свой въ поношеніе дѣянія его! Это не уменшитъ, а возвеличитъ честь и славу его.—Почт. Дворяне и Граждане Ярославскіе! Вы чужды таковыхъ злобныхъ чувствованій; вы понимаете всю цѣну и важность сего заведенія: оно здѣлано изъ любви къ вамъ, изъ отеческой любви къ дѣтямъ вашимъ— къ потомкамъ вашимъ; — и естьли не настоящее, то будущее восхищаетъ сердца ваши. А вы родители — родственники сихъ юныхъ отраслей, — вы, которые бывъ лишены способовъ для должнаго воспитанія дѣтей своихъ, можетъ быть не надѣялись имѣть щастіе — видѣть въ нихъ ушѣху и поднору своей старости,— *скажите, что вы теперь* ощущаете въ сердцахъ вашихъ? О! радость ваша неизглаголанна! Трепещущія сердца ваши пре-

исполнены надежды и умиленія! Блистающія слезы на очахъ вашихъ суть безмолвные, но краснорѣчивые того свидѣтели!—

Любезные дѣти! вы юны; но вы вѣрно чувствуете, что Любовь Отечества пріяла васъ въ нѣдра свои, что Любовь Отечества будетъ васъ лелѣять и нѣжно назирать за дѣяніями вашими, стараясь сдѣлать изъ васъ полезныхъ сыновъ. — Да зрѣетъ болѣе и болѣе сіе чувство въ нѣжныхъ сердцахъ вашихъ! Да будетъ во всю жизнь вашимъ лозунгомъ: *Любовь къ Отечеству — и имя Демидова!* Это послужитъ для васъ волшебнымъ тализманомъ, предохраняющимъ васъ отъ всѣхъ неправедныхъ покушеній. Тогда, — на сраженіи ли вы будете защищать Отечество, или отмщать честь Государя? — вы почувствуете въ сердцахъ своихъ силу львиную, мужество Алкидово. Тогда, — въ совѣтѣ ли судей будете рѣшить судьбу правыхъ и виновныхъ? — никакая мода — никакое лицепріятіе не соблазнитъ сердца вашего. Тогда, — никакое

щастіе, никакія почести не приведутъ въ надмѣніе духа вашего. Тогда,—никакое нещастіе не отягчитъ души вашей отчаяніемъ. Тогда, — не вы чести, не вы награды искать будете; васъ честь, васъ награда повсюду сопровождать и искать будетъ. Тогда, — не наслѣдственное титло благородства, но истинное благородство ума и сердца будетъ украшать имяна ваши. Тогда, — не вамъ предки ваши, вы предкамъ своимъ честію и украшеніемъ служить будете. Тогда, — какое неизъяснимое утѣшеніе для чувствительныхъ родителей! — Они услышатъ, что дѣти ихъ служатъ съ вѣрностію Государю; что всѣ силы, всѣ таланты приносятъ въ жертву Отечеству; что имяна ихъ отзываются съ уваженіемъ заслугъ ихъ;—они услышатъ, — и слезы радости покатятся градомъ по лицамъ ихъ! — Тогда — занося послѣдній шагъ за дверь гроба — они скажутъ: мы щастливы, — мы оставляемъ по себѣ дѣтей, которые дѣлаютъ честь роду нашему! —

О
Малой Россіи.

(Окончаніе.)

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Богдана Хмѣльницкаго войско выбрало себѣ новаго Гетмана — Генеральнаго Есаула Ивана Виговскаго. Но сей человѣкъ — и многіе за нимъ послѣдовавшіе Гетманы не имѣли, какъ мы увидимъ,— духа, благородства въ чувствахъ и любви къ отечественной пользѣ Богдана Хмѣльницкаго: онъ доказалъ собою ту истинну, что великіе люди для щастія народовъ являются не часто. — Виговскій одинъ, годъ только былъ вѣренъ, или лучше носилъ на себѣ личину вѣрности къ Царю Алексѣю Михайловичу. За симъ началъ крамолы, и началъ ихъ —ославши тайно къ Королю Польскому Іоанну Казимиру II-му письмо, въ которомъ договаривался о передачѣ Малой Россіи съ Украйною Польской Коронѣ. Условія, на коихъ предлагалъ онъ предательство, были: чтобъ Малая Россія и Украйна,

поступя подъ владѣніе Польши, получили права и преимущества тѣ же, какими пользовались сами Поляки и жители Великаго Княжества Литовскаго. — Малороссійскіе Генеральные Старшины, открывъ умыслъ Гетмана, такъ же тайно послали о семъ донесеніе къ Царскому Двору; а между тѣмъ до Его рѣшенія положили — Гетмана Виговскаго арестовать и посадить подъ стражу. Но въ тѣ времяна, особливо въ сихъ краяхъ, — ни хитрость злыхъ предателей, ни благоразуміе добрыхъ гражданъ не имѣли еще предусмотрительности и необходимой скрытности; почему и Гетманъ Виговскій, прежде своего ареста, свѣдавъ о положеніи Старшинъ не въ его пользу, тотчасъ скрылся. Расположеніе умовъ въ Украйнѣ, какъ странѣ ближайшей къ Польскимъ предѣламъ, больше согласовалось съ его предпріятіями, — онъ тамъ имѣлъ успѣхъ: склонилъ козаковъ тамошнихъ полковъ и жителей на свою сторону, — и Казимиръ II-й пожаловалъ его Гетманомъ Украинскимъ.

Московскій Царь, принявъ донесеніе отъ Генеральныхъ Старшинъ, тотчасъ повелѣлъ Велико-Россійскимъ полкамъ выступить въ Малую Россію, дабы не допустить непріятеля и измѣнника Виговскаго ворваться въ оную. Война сія не имѣла вида обыкновенныхъ войнъ; и потому длилась почти два года. Окончаніемъ ея было то, что Виговскій съ Украинскими козаками, Поляками и Бугжатскими Татарами, — нападая то тамъ, то индѣ на Малую Россію, — не успѣлъ овладѣть ею, бывъ отражаемъ вездѣ съ урономъ для себя.

Внутреннее состояніе Россіи, еще не совсѣмъ изцѣленной отъ долговремянныхъ и глубокихъ ранъ послѣ ига Татарскаго и разореній Польскихъ, не дозволяло дѣйствовать тогда наступательно и наказать измѣну, какъ она того заслуживала. Возстановлено только спокойствіе внутри Малой Россіи, обезопасены нѣсколько ея предѣлы, — и это доставило случай выбрать опять въ ней Гетмана. Войско, помня все еще живо заслуги и дарованія Богдана Хмѣльницкаго, обрати-

ло свой выборъ на сына его Юрія Хмѣльницкаго; но примѣры очень рѣдки даже въ Исторіи цѣлаго мiра, что сынъ поддерживалъ славу отца въ какихъ бы то ни было отличныхъ качествахъ. Юрій Хмѣльницкій не былъ почти ни въ чемъ Богданомъ Хмѣльницкимъ — и оставилъ намъ въ исторіи жизни своей неизъяснимую черту: скоро, по выборѣ его въ Гетманы, онъ ушелъ къ Туркамъ,— у коихъ нѣкогда былъ въ плѣну отецъ его,— оттолѣ бѣжалъ было къ Полякамъ; — но былъ пойманъ, посаженъ съ Семибашенный Замокъ и остался тамъ на всегда.

Генеральные Старшины опять здѣлали выборъ Гетмана; выборъ сей палъ на Старшину Стародубскаго полку Петра Дорошенка, — и былъ опять неудаченъ. Сей Гетманъ возобновилъ замыслы Виговскаго, которой уже умеръ и по смерти коего Украйна передалась Турецкому Султану Магомеду IV; — Дорошенко ушелъ тайно къ Украинцамъ, зная духъ ихъ — всегда готовый къ новымъ предпріятіямъ, и склонилъ ихъ избрать себя Гетманомъ Украинскимъ. Замыслы его не сбылись и

естьли что выигралъ онъ чрезъ побѣгъ свой, такъ это — превратилъ только себя изъ Гетмана Малороссїйскаго въ Украинскаго.

Между тѣмъ Войско и Генеральные Старшины двумя примѣрами худаго выбора все еще не научились предусмотрительности, благоразумїю въ такихъ дѣлахъ, — и выбрали въ Гетманы Черниговскаго Полковника Дамїана Многогрѣшнаго. Не извѣстно, была ли его фамилїя изображенїемъ его жизни; но по послѣдствїямъ можно догадываться, что онъ здѣлался ея достойнымъ: ибо тайно подъ стражею увезенъ былъ изъ Малой Россїи въ Москву, — а оттолѣ въ средину пространной Азїятской Россїи на вѣчное жительство. Мѣсто его замѣнилъ новый грѣшникъ другаго рода Генеральный Обозный Иванъ Брюховецкїй. Ему пришла высокая мысль въ голову — здѣлаться самовластнымъ, ни отъ кого независящимъ владыкою Малой Россїи. Хорошо, естьли бы онъ удовольствовался — одною только мыслїю; но онъ предпринялъ произвести ее въ дѣйство и разположилъ свой

планъ такимъ образомъ: какъ зналъ онъ, что склонить на свою сторону вѣрныхъ подданныхъ Царю и истинныхъ сыновъ Отечества — Генеральныхъ и полковыхъ Старшинъ ему не возможно; то положилъ прежде всего возмутить чернь и обѣщанїями, разумѣется самыми лестными, заставить ее отложиться отъ подданства Россїи; — потомъ, въ случаѣ упорнаго сопротивленїя со стороны Старшинъ, пригласить Крымскихъ Татаръ, сторговавшись напередъ съ ними, — принудить силою вѣрныхъ подданныхъ къ измѣнѣ и привести въ рабство; — а для начала всего послалъ онъ къ новонаселеннымъ или составленнымъ полкамъ Слободскимъ — Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому благоволительное предложенїе: не хотятъ ли они принять его сторону? — Но сїе начало разстроило весь обширный планъ его: новые полки оказали древнюю вѣрность и преданность Россїйскому Царю и получили за то похвальные отъ Его Царскаго Величества грамоты; а Гетманъ Иванъ Брюховецкій, избѣгая награды своимъ заслугамъ, ушелъ къ Татарамъ въ Крымъ

и тамъ кончилъ жизнь свою — скромнымъ подданнымъ Хана.

Наконецъ пятый выборъ палъ на достойнаго — Гетманомъ здѣланъ Генеральный Обозный Иванъ Самойловичь. Это былъ человѣкъ съ ненарушимою вѣрностію къ Царю своему, хотя и не имѣлъ великихъ достоинствъ воинскихъ и хотя управленіе его не ознаменовано ни какимъ славнымъ дѣяніемъ. Къ его жъ нещастію мистіе изъ Старшинъ заразились духомъ возмущенія прежнихъ Гетмановъ; а видя, что при немъ ничего нельзя ждать новаго, начали клеветать на него. Малая Россія, удаленная отъ Двора, не могла быть извѣстною Ему — и донесенія клеветы погубили Самойловича: онъ былъ лишенъ Гетманскаго достоинства и сосланъ въ ссылку. Можно съ достовѣрностію подозрѣвать, что участвовалъ въ этомъ больше всѣхъ Генеральный Есаулъ Иванъ Мазепа; ибо тотчасъ онъ здѣланъ Гетманомъ. Его жизнь, отличенная примѣрнымъ вѣроломствомъ, очень извѣстна по Исторіи войны между ПЕТРОМЪ Великимъ и Карломъ XII Королемъ Шведскимъ; а потому

опустить покрывало на его Гетманство — будетъ простительно.

Въ то самое время, какъ Мазепа передался Карлу XII, войско Малороссійское вѣрное своему Государю съ воли ПЕТРА Великаго и въ Его Высочайшемъ присутствіи выбрало въ Глуховѣ Гетманомъ себѣ Стародубскаго Полковника Ивана Ильича Скоропадскаго. Онъ достойно оканчиваетъ ссй санъ, который началъ и украсилъ собою Богданъ Хмѣльницкій. Такимъ образомъ къ ушѣщенію любящихъ свою отчизну два человѣка, носившіе булаву Гетманскую, представляютъ себя въ примѣръ истинныхъ заслугъ и преданности Государямъ — Хмѣльницкій и Скоропадскій! По смерти послѣдняго ПЕТРЪ Первый уничтожилъ Гетманство и указалъ Сенату — учредить вмѣсто его Малороссійскую Коллегію.

Царскимъ достоинство сіе не тогда совершенно уничтожено, — а гораздо въ позднѣйшія времена; но оно имѣло уже другія права и другія формы, какъ мы тотчасъ увидимъ.

Государь Императоръ Петръ II-й повелѣлъ возобновить выборъ Гетмана —

и здѣланъ онымъ Миргородскій Полковникъ Данїилъ Павловичъ Апостолъ. Въ день коронованія Императрицы Анны Ивановны Гетманъ Апостолъ пожалованъ Кавалеромъ Александра Невскаго; знаки сего ордена возложены на него собственною рукою Ея Величества. По смерти Апостола опять пресѣклось Гетманство — и Императрица указала учредить вмѣсто его Министерскую Канцелярїю, которая существовала до 1751 года, Ноября 8 числа. А съ сего времяни, по дозволительной грамотѣ отъ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Малороссійскому войску, выбранъ въ Гетманы двора Ея Величества Камергеръ Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій и тогдажъ онъ пожалованъ Генералъ-Фельдмаршаломъ.

Въ Царствованїе Государыни Императрицы Екатерины II-й Графъ Разумовскій лично подалъ Ея Величеству прошенїе и отставленъ отъ Гетманства 10 Ноября 1764 года. Сїе-то время — есть время уничтоженія на всегда Гетманскаго достоинства: ибо оно больше уже не возобновлялось, — Малая Россїя при-

няла новый образъ управленія. Тогожъ 10 Ноября Государыня повелѣть изволила Сенату — учредить Малороссійскую Коллегію, наравнѣ съ прочими Государственными Коллегіями и пожаловала Генералъ-Аншефа Графа Петра Александровича Румянцова Генералъ-Губернаторомъ Малороссійскимъ, Президентомъ вышеозначенной Коллегіи и главнымъ Малороссійскихъ козачьихъ полковъ Командиромъ.

И такъ Генеральный Судъ, Скарбовая Канцелярія и всѣ въ Малой Россіи присутственныя мѣста перешли въ вѣденіе Малороссійской Коллегіи; права же и преимущества остались по прежнему въ ихъ силѣ. Всѣ грамоты отъ Царей и Императоровъ жалованныя Гетманамъ, такъ же всѣ дѣла и бумаги по ихъ управленію — какъ непринадлежавшія къ Малороссійской Коллегіи, отправлены въ Императорскій Кабинетъ — и потому самые списки ихъ въ здѣшнемъ краѣ очень рѣдки.

Въ послѣдствіи времяни открыты въ въ Малой Россіи Намѣстничества: Кіевское, Черниговское и Новгород-Сѣверское; а Малороссійскіе козачьи полки перефор-

мированы въ карабинерные. Сія форма продолжалась до царствованія Императора Павла I, по указу Коего изъ трехъ Намѣстничествъ здѣлана одна только Губернія — Черниговская, въ которой и заключалась вся Малая Россія. Но Государь ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I, повелѣть изволилъ, чтобъ Малая Россія заключалась въ двухъ Губерніяхъ — Черниговской и Полтавской. Сіе раздѣленіе оправдывается самымъ нарѣчіемъ: ибо чистый Малороссійскій языкъ можно слышать только въ сихъ двухъ Губерніяхъ; а въ прочихъ къ нимъ прилежащихъ онъ есть смѣшеніе Польскаго, частію Нѣмецкаго и очень много Россійскаго.

Ил — я Кв — ка.

О Мозаикѣ.

Мозаика (mosaique) происходитъ отъ Латинскаго слова *musivum*, превратившагося въ *musaicum*, и наконецъ въ *mosaicum*. Она есть родъ живописи, производимой подборомъ и соединеніемъ цвѣтныхъ, вы-

глаженныхъ камешковъ, или финифтяныхъ призмъ, полагаемыхъ смѣжно на твердой и гладкой дощечкѣ, покрытой мастикою.

Симъ способомъ изображаются различные натуральные предметы и картины лучшихъ живописцевъ, дабы доставить имъ неизмѣняемую прочность.

Мозаическая работа есть *Римская* и *Флорентинская*.

Для первой употребляются финифтяные кубики различныхъ цвѣтовъ, имѣющіе не болѣе двухъ линей въ діаметрѣ, — которые художникъ разсѣкаетъ остроконечнымъ молоткомъ на призмы столько малыя, какъ того потребуетъ подробность изображенія. Сею мозаикою можно изобразить лучшія картины. *Сентъ-Піеръ*, родомъ изъ Рима, оставилъ много отличнѣйшихъ произведеній сего искуства.

Для Флорентинской мозаики употребляются натуральные камни хорошаго цвѣта, способные принимать полировку, *каковы въ особенности суть:* яшма и агаты, изъ которыхъ выбравъ тѣ, коихъ цвѣтъ близко подходитъ къ изобра-

жаемому предмѣту, обрѣзываютъ такъ, какъ видъ онаго требуетъ. —

Въ Парижской Академіи Художествъ находятся сего рода драгоцѣнныя картины красоты неподражаемой. На поляхъ оныхъ, здѣланномъ изъ краснаго порфира, представлены разновидныя и разноцвѣтныя вазы, морскіе раковины всякаго рода и пр.

Французское Правительство учредило въ Парижѣ мануфактуру для мозаики сего рода.

Плиній говоритъ, что рисованные полы, съ нарочитымъ искусствомъ здѣланные, ваяты отъ Грековъ; между прочими Пергамской полъ называемый asarotum, здѣланный Созусомъ, былъ самый удивительный. *Названіе asarotum*, значущее *немѣтеный*, ему дано потому, — что соръ и крошки, падающія со стола, на немъ представлены были такъ живо, какъ бы въ самомъ дѣлѣ, будто комната не вымѣтена. На семъ полѣ, здѣланномъ изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ раковинъ, такъ же приводила въ удивленіе голубка пьющая воду, коей голова отбрасывала тѣнь на сію воду. —

Наконецъ родъ мозаики называемый у Грековъ *lithostrotos* появился въ Римѣ во времяна Силлы, который здѣлалъ таковый полъ въ Пренестѣ, въ храмѣ Фортуны, за 170 лѣтъ до Р. Х. Сей полъ представляющій Географію Египта, составляетъ нынѣ главное украшеніе ниша, сводомъ своимъ поддерживающаго двѣ лѣсницы, по которымъ всходятъ въ главную часть дворца, построеннаго Барберинами въ городѣ Палестринѣ. —

Въ послѣдствіи времяни, не довольствуясь украшать мозаикою дворцы, употребляли ее и въ обыкновенныхъ комнатахъ; а наконецъ на стѣнахъ палатъ и храмовъ. —

Вкусъ къ мозаикѣ сохранился и послѣ паденія Римской Имперіи. — Въ началѣ 13-го столѣтія Венеціане выписали многихъ Греческихъ живописцевъ, изъ числа коихъ Аполлоніусъ училъ своему искуству Гафія Флорентинскаго и съ нимъ *здѣлалъ различныя картины*, поставленныя послѣ въ семъ же городѣ въ церквѣ Св. Іоанна. —

Гаддо — Гадди также упражнялся въ семъ родѣ живописи. — Наконецъ *Глотто*, родившійся въ 1276 году превосходно изобразилъ лодку Св. Петра, разбитую бурею, которая и нынѣ находится надъ вратами церкви сего Апостола въ Римѣ. — Спустя около 200 лѣтъ Доминикъ Беккафумій прославился отдѣлкою потолка, въ церкви Сіенской, представляющаго жертвоприношеніе Авраама. —

Потомъ Іосифъ Арпинскій и Ланфракъ Пармскій превзошли своихъ предшественниковъ. По открытіи новаго свѣта у Мексиканцовъ и Перувіянцовъ нашли родъ мозанки, состоящей изъ подобранныхъ птичьихъ перьевъ, требующій не малаго искусства и терпѣнія. —

Съ Франц. *Александра Каменская.*

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Соловей.

(Изъ Бюффона.)

При семъ имени всякой хорошо организованный человѣкъ приведетъ себѣ на память ту весеннюю ночь,— когда онъ подъ яснымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, въ безмолвіи внимающей природы, съ восхищеніемъ слушалъ пѣніе сего пѣвца лѣсовъ. Голосъ нѣкоторыхъ пѣвчихъ птицъ можно сравнивать съ голосомъ соловья; ихъ можно такъ же и съ удовольствіемъ слушать, — но тогда, какъ соловей молчитъ. У однѣхъ тоны столько же пріятны; у другихъ ощущенія столь же чисты и даже чище; у иныхъ переливы не менѣе обольстительны; — но каждую изъ нихъ соловей превосходитъ полнымъ соединеніемъ различныхъ дарованій и чудеснымъ разнообразіемъ своихъ пѣсней. Цѣлая пѣснь каждой изъ сихъ птицъ, во всей ея *полнотѣ, составитъ* одинъ только куплетъ пѣсни соловья. . . . . .

Приготовляется ли сей пѣвецъ весны пѣть гимнъ природѣ? — Онъ начинаетъ робкими, слабыми тонами, — почти нерѣшимыми, — какъ бы желая попытаться и только занять слушателей; но потомъ, ободряясь, одушевляется постепенно; воспламеняется и вскорѣ раскрываетъ во всей полнотѣ свой несравненный органъ: голосъ его громокъ, игра жива и легка, пѣніе льется и въ его переливахъ всегдашняя чистота; внутреннее урчаніе глухое, едва постижимое слуху, — но весьма способное увеличить свѣтлость внятныхъ тоновъ; стремительные, яркіе, быстрые перекаты, сильно выражаемые, даже неровные, но по вкусѣ; жалобные тоны, нѣжно льющіеся, звуки выводимые безъ искусства, — но въ которыхъ видна вся душа; звуки очаровательные, проницательные, — кои выходятъ, кажется, изъ сердца и заставляютъ трепетать всѣ сердца, — кои производятъ во всемъ, что чувствительно, движеніе столь приятное, томность столь трогательную. . . . . .

Сіи различныя выраженія перемѣшаны съ безмолвіемъ, симъ безмолвіемъ, которое

во всякомъ родѣ мелодіи способствуетъ къ сильнымъ впечатлѣніямъ. Мы наслаждаемся прекрасными звуками недавно слышанными и еще отзывающимися въ нашемъ слухѣ;—мы ими болѣе наслаждаемся, поелику сіе наслажденіе не возмущается новыми ощущеніями; потомъ дожидаемся, сильно желаемъ другаго приема;—надѣемся, что эшотъ наиболѣе намъ понравится; и естьли обманемся, то пріятность отрывка нами слышаннаго не позволитъ жалѣть о томъ, который до времяни только оставленъ и мы все еще надѣемся на слѣдующіе приемы. . . . . .

Глафира Шумлянская.

Умирающій Лебедь.

(Изъ Гердера).

Не ужели только я одинъ долженъ быть нѣмъ и безгласенъ, — вздыхая говорилъ кроткій лебедь самъ съ собою и купаясь при блескѣ прекраснѣйшей вечерней зари, — неужели только я одинъ

изъ всего царства пернатыхъ? Не завидно мнѣ гагаканье гусей, клохтанье курицъ и мяуканье павлиновъ; но я завидую твоему голосу, нѣжный соловей; и когда ему внимаю, — то въ упоеніи едва, едва плыву по румяной зарѣ отливающейся на водахъ. Какъ бы желалъ я возпѣть тебя, вечернее—златое солнце, твой прекрасный свѣтъ, мое блаженство, — потомъ погрузиться въ зеркальномъ отблескѣ твоего багрянца и — умереть! — Тихій лебедь погрузился, поднялся изъ водъ опять и видитъ, что какой-то блестящій образъ на берегу манитъ его къ себѣ. Это былъ Богъ утренняго и вечерняго солнца — лучезарный Фебъ. — „Прелестное и кроткое существо, говоритъ онъ лебедю, твое желаніе — питаемое безмолвно въ груди твоей доселѣ, — теперь исполнится! —“

Сказавши сіе Фебъ, настроилъ лиру свою на безсмертный тонъ и тронулъ ею лебедя. Сей тонъ проникнулъ возхищенную птицу Аполлона, — и она разрѣшилась отъ узъ нѣмоты: лебедь въ тихомъ пзліяніи чувствъ, согласуясь со

струнами Бога свѣта, воспѣлъ благодарственно и весело прекрасное солнце, блещущее озеро, и свою невинную — блаженную жизнь. Его пѣніе было такъ пріятно, какъ *видъ его. Медленно влекъ онъ за собою* струю и при сладкихъ — засыпающихъ тонахъ переселился въ Элисейскія поля. Тамъ, во всей своей небесной красотѣ, палъ къ ногамъ Аполлона съ признательностію, — что видѣлъ образъ сего Бога и слышалъ безсмертные звуки его лиры. Пѣніе, въ которомъ ему отказано было при жизни, сдѣлалось его смертнымъ пѣніемъ — и сопровождаетъ всегда тихое разрѣшеніе членовъ его. Тудажъ явилась и вѣрная подруга его и съ такимъ же сладкимъ при смерти пѣніемъ. Богиня невинности сдѣлала ихъ своими любимцами — и упряжкою той раковинной колесницы, въ которой она путешествуетъ купаться въ морѣ юности.

Терпи, втайнѣ надѣющееся сердце! въ чемъ тебѣ было отказано при жизни и къ чему, можетъ быть, ты было еще неспособно, — то тебѣ достанется минута смерти! —

Съ Нѣмец. *Глафира Шумлянская.*

Первая Элегія Мессинянъ.

(Изъ Бартелеми).

Изгнанцы Греціи, у чуждыхъ народовъ пришельцы — мы видѣли въ людяхъ только безплодную жалость къ нашимъ нещастіямъ, и то не всегда. — Ктожъ бы подумалъ послѣ сего, — что, долго носясь по волнамъ, достигнемъ мы берега Эвесперидовъ — страны, на кою природа и миръ изтощаютъ прекрасные дары свои, — гдѣ земля благодарная къ трудамъ оратая сторицею возвращаетъ зерна ей ввѣряемыя, — гдѣ тихія рѣки змѣятся по равнинамъ и подлѣ долинъ отѣняемыхъ лаврами, миртами, гранатами — древами всякаго рода? Тамъ — за сей страной — горячіе пески, дикіе народы, свирѣпыя животныя; но намъ страшиться нечего: тамъ нѣтъ Лакедемонянъ . . . .

Обитатели сей прекрасной страны тронулись нашими бѣдствами и благородно предложили намъ убѣжище. Однакожъ — печаль всё сѣдаетъ дни наши и слабыя радости дѣлаютъ гораздо горши-

ми наши сожалѣнія. Увы! сколько разъ, прогуливаясь по прелестнымъ садамъ, проливалъ я слезы, когда вспоминалъ о Мессинѣ!! — О щастливые берега Памиза, о святые храмы, рощи священныя, поля — столь часто кровью предковъ нашихъ напаяемыя! нѣтъ, я не забуду васъ!! — А вы, свирѣпые Спартанцы! заклинаю себя имянемъ пятидесяти тысячь Мессинянъ разсѣянныхъ по земли — питать къ вамъ ненависть столь же необоримую, какъ ваша люотость, — заклинаю себя имянемъ потомства, имянемъ чувствительныхъ душъ во всѣ времяна, во всѣхъ мѣстахъ! —

Нещастные остатки героевъ — гораздо васъ нещастнѣйшихъ! да отзываются моя пѣсни, подобно пѣснямъ Тиртея и Архилоха, вѣчно въ ушахъ нашихъ, — какъ звукъ трубы возвещающей брань воину, какъ громъ потрясающій главу малодушнаго! Да представляютъ они вамъ всѣми и вѣчноли грозныя тѣни нашихъ вещей — и не даютъ затворяться въ сердцахъ вашихъ ранамъ еще зіяющимъ!! —

Много вѣковъ наслаждались Мессиняне глубочайшимъ спокойствіемъ на землѣ — всѣмъ нуждамъ ихъ удовлетворявшей, подъ благотворнымъ вліяніемъ неба — вѣчно яснаго. Они были свободны; имѣли мудрые законы, простые нравы; имѣли царей, которые любили ихъ, — веселые праздники, кои услаждали труды ихъ.

Они вступили съ Лакедемонянами въ союзъ — и тотчасъ показались признаки гибели: начали обвинять другъ друга, досаждать одна другой сторонѣ. *Надмѣнность*, доселѣ сковываемая законами Ликурга, обрадовалась случаю — разорвать свои узы; она кромко взываетъ къ *неправосудію* и *насилію*, впалзываетъ съ сими адскими изчадіями въ сердца Спартанцевъ и заставляетъ ихъ клясться предъ олтарями — не полагать оружія до тѣхъ поръ, покуда не покорятъ они Мессинянъ. (*)

Е. Филомавитскій.

(*) Баршелеми для меня есть одинъ изъ неподражаемыхъ писателей: переводя какой нибудь отрывокъ его — надобно употребить всѣ усилія ума,

Гробницы.

(*Изъ Сен-Пїера.*)

Гробница есть памятникъ поставленный на предѣлахъ двухъ мїровъ. При первомъ взглядѣ представляетъ намъ она конецъ суетныхъ безпокойствъ жизни и образъ вѣчнаго покоя; потомъ возбуждаетъ

всѣ способы языка, всю осторожность; а онъ написалъ семь книгъ, — и вездѣ одинако — прекрасно. Естьли, какъ говорятъ, и сорокъ лѣтъ стоилъ ему Анахарсисъ; то еще не много. Разсуждая о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ Философїи — онъ не перестаетъ быть литераторомъ; при описанїи искусствъ — музыки, живописи, скульптуры во всей ихъ внѣшней подробности, — въ немъ виденъ и философъ, и Эстетикъ. Въ повѣствованїяхъ онъ до удивленїя простъ и для всѣхъ понятенъ; но это ему не мѣшаетъ разгорячиться и провѣсть вдругъ разительно живописную черту. Къ сожалѣнїю почти не тотъ онъ въ нашихъ переводахъ: по нимъ у насъ едвали не безпогрѣшительно можно опредѣлить, — какою наукою занимался особенно переводчикъ и какъ былъ односторонень въ разсужденїи переводимыхъ имъ мѣстъ не по его части.

Ф—ій.

въ насъ чувство щастливаго безсмертія,— коего вѣроятность увеличивается по мѣрѣ того, какъ велика была добродѣтель намъ ею напоминаемаго: тутъ утверждается наше почитаніе. . . .

По сему разумному побужденію къ добродѣтели гробницы великихъ людей внушаютъ намъ толикое благоговѣніе. Отъ того же самаго гробницы, заключающія въ себѣ предмѣты нѣкогда намъ любезные, возбуждаютъ въ насъ такое сожалѣніе. Что насъ трогаетъ при видѣ холмика скрывающаго прахъ милаго дитяти? Память его невинности. Что столько растрогиваетъ насъ при видѣ могилы, въ которой покоится юная жена — любовь и надежда своего семейства? Ея добродѣтели. Чтобы сдѣлать сіи памятники достойными почтенія; для сего не нужны ни мраморы, ни бронза, ни позолота: чѣмъ они простѣе, тѣмъ больше придаютъ живости томному чувству.... Особенно въ деревнѣ сильнѣе ощущаешь ихъ впечатлѣнія. Нерѣдко простая могила заставляетъ пролить болѣе слезъ, чѣмъ всѣ катафалки въ соборахъ. Тамъ горесть бываетъ во всей своей

изящности: она возвышается съ древними писами кладбищъ; она простирается съ окрестными равнинами и холмами; она соединяется со всѣми дѣйствіями природы— съ восходомъ зари, съ шумомъ вѣтровъ, съ захожденіемъ солнца и съ мраками ночи. Самыя грубыя занятія и самый низкій жребій не могутъ изгладить сего впечатлѣнія изъ самыхъ нещастныхъ сердецъ.

Г. Ш.

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

ЮСТИНЪ,

или добрый братъ.

(Окончаніе.)

Здѣсь остановился Юстинъ; онъ вскликнывалъ и не могъ удерживаться. Но одной минуты ему было довольно, чтобы окрѣпиться, — и продолжать:

„Не знаю, что происходило вокругъ меня въ тотъ первый день. Помню только,

что меня хотѣли вывести изъ покоя, гдѣ умерла мать моя; но я столь сильно ухватился за ножку кровати, что меня никакъ не могли оторвать и оставили тутъ. На другой уже день я пробудился изъ какого-то усыпленія, въ которое былъ погруженъ, — и то тогда только, когда четверо людей пришли вынести, что я любилъ всего больше на свѣтѣ, и чего долженъ былъ уже больше не видать! Я слѣдовалъ за ними испуская жалостный вопль; Юлія шла подлѣ меня. Церемонія была не большая; потому что мы — были бѣдные люди. — Насъ оставили на могилѣ нашей матери не заботясь, что съ нами будетъ. Мы тутъ пробыли весь остатокъ дня; ввечеру поцѣловалъ я землю на могилѣ, взялъ Юлію за руку и пошли на постоялой дворъ. Дворникъ, увидя насъ, спросилъ: хотимъ ли мы еще у него остаться, — или то онъ только и потеряетъ, что уже для насъ потратилъ? — Я вѣжливо ему отвѣчалъ, что все будетъ уплачено — и онъ позволилъ намъ войти. Наутро развязалъ я въ самомъ дѣлѣ свои

котомки и нашелъ деньги приготовленныя для нашего пути, — разплатился съ хозяиномъ и со всѣми, кто давалъ намъ что нибудь. Чрезъ сей поступокъ очень естественный приобрѣли мы однакожъ друзей, — и когда узнали, что у насъ ничего уже больше не осталось; то начали сожалѣть и предлагали намъ даже пособїя. Но я отказался, довольно поблагодаривъ ихъ и прибавя: что съ охотою принялъ бы пособїе, естьли бы оно было плата за мой какой нибудь прудъ.

„Увидѣвши, что нѣтъ уже больше въ мїрѣ для меня руководителя, — я началъ размышлять: за что мнѣ взяться? Нельзя было и подумать, чтобы безъ денегъ возвратиться на свою сторону; да и чего тамъ надѣяться намъ? Нечего! Не было такъ же возможности пойти и къ отцу своему: кто зналъ, былъ ли онъ еще живъ? — Но я тотчасъ рѣшился и рѣшимость сїя состояла въ томъ, чтобъ искать мнѣ занятїя по своему возрасту *или въ сей деревнѣ, или по* близости къ ней. Чѣмъ же могъ я заняться? Мнѣ было еще только двенадцать, а Юлїѣ семь

лѣтъ; давши же клятву моей матери, положилъ я ни подъ какимъ видомъ не оставлять сестры своей. Конечно, бывъ одинъ, я очень бы мало безпокоился: одна голова не бѣдна, — могъ бы я пойти въ матросы, записаться барабанщикомъ въ какой нибудь полкъ, или отдаться мастеровому въ ученье на все время дѣтства моего. Но бѣдненькая Юлія? . . .

„Священникъ моя деревни, видя нашу нужду, хотѣлъ пособить тому и сказалъ, — что онъ имѣетъ случай помѣстить сестру мою въ одинъ домъ *призрѣнія ближнихъ* и что ей тамъ будетъ хорошо. Но я отвѣчалъ ему: что до тѣхъ поръ не пойдетъ сестра моя въ домъ *призрѣнія*, пока не будетъ совсѣмъ надежды—здѣлать это иначе. Онъ меня бранилъ за упрямство и представлялъ, — что я еще молодъ, дабы такъ самовольничать; а между тѣмъ не переставалъ брать участіе въ насъ и я видѣлъ, что упрямство, — за которое онъ бранилъ меня,— ни чуть ему не неправилось. Наконецъ сей Священникъ далъ обѣщаніе — поискать въ окружности мѣста у добрыхъ людей, кои дѣло имѣли бы и

согласились изъ человѣколюбія обременить себя двумя дѣтьми для ихъ пропитанія.

„Извините, сударь, мою нескромность, естьли я осмѣлился сказать о себѣ нѣчто хорошаго; мое поведеніе точно имѣло щастіе быть одобрено и снискало мнѣ покровителей. На другой отъ сего день Г. Священникъ отвелъ меня къ одному доброму и старому корпомщику; тутъ-то и былъ я принятъ пасти стадо его очень небольшое и дѣлать, что не превышало мои силы. Онъ согласился, чтобъ и Юлія осталась со мною помогая мнѣ столько, сколько дитя сможетъ.

„И вотъ я уже въ чужомъ домѣ; но Богъ не оставилъ меня: онъ мнѣ послалъ человѣка праводушнаго и благодѣтельнаго, — мнѣ стоило только исполнять свои обязанности, чтобъ заслужить его ласки. Что и случилось: добрый старикъ здѣлалъ меня своимъ другомъ; а примѣтя, что я не много умѣю писать и щитать, онъ поручилъ мнѣ вести свои щоты и порядокъ въ бумагахъ. Отселѣ моя участь стала совершенно благополучна. За выполненіемъ должностей мнѣ оставалось еще

время учить сестру свою, чему самъ умѣлъ — и я строго берегся, что бы ие опустить ея воспитанїя. Часто поминалъ я, что говорила намъ мать наша: добродѣтель только и знанїя суть тѣ вещи, кои благородно отличаютъ насъ между людьми. Должно отдать справедливость и Юлїѣ: она пособляла мнѣ изъ всей возможности и того только не выучивала, что превышало ея понятїя, — того только не исполняла, чего не смогли ея силы. При всей малолѣтности она чувствовала наше положенїе и знала, чѣмъ обязаны мы своему благодѣтелю. Бывало почти цѣлый день видишъ ее у дѣла: то вяжетъ чулки для нашего добраго кортомщика; то вышелушиваетъ горохъ, или турецкїе бобы; то другимъ какимъ нибудь образомъ дѣлается полезною. А отъ того мы имѣли радость говорить, что никогда не можно было укорить насъ за хлѣбъ нами снѣдаемый.

„Симъ щастїемъ наслаждались мы однакожъ только два года; Богъ, низославши намъ его, положилъ и предѣлъ ему: престарѣлый кортомщикъ скончался и мы еще разъ

остались сиротами. — Такъ какъ въ деревнѣ знали насъ уже; то можетъ быть мы нашли бы тамъ другое прибѣжище. Но извѣстіе, до насъ дошедшее, заставило перемѣнить наше намѣреніе: одинъ путешественникъ, знавшій нѣкогда отца нашего, увѣдомилъ насъ, — что онъ отъ раны полученной имъ не умеръ, а удалился въ одно мѣстечко — которое и наименовалъ намъ. А поелику путешественникъ зналъ объ этомъ самъ только по слуху; то и не могъ описать намъ состоянія отца нашего. Да намъ не больше и нужно было, какъ знать, — гдѣ найти его;— потомъ итти и исполнить долгъ свой. Я поговорилъ о семъ съ Юліею, которая сама начала уже судить о своихъ поступкахъ, — и какъ мы были люди вольные, имѣли не много денегъ — плодъ труда нашего и благодѣяній покойнаго кортомщика; то можно намъ было пуститься въ сей путь, — и мы тотчасъ отправились въ дорогу.

„Вотъ уже четыре дни, какъ мы идемъ. Когда Юлія почувствуетъ усталость въ слабыхъ еще могахъ своихъ;

мы отдыхаемъ то тамъ, то инде. А въ этотъ вечеръ надѣемся прибыть въ то мѣстечко, — гдѣ, какъ сказали намъ, живетъ отецъ нашъ. Мы не знаемъ, какъ онъ насъ приметъ; но, благодаря Бога, исполнимъ долгъ свой. Естьли онъ простретъ къ намъ руки, — мы будемъ его дѣтьми; естьлижъ отринетъ насъ, — то все-таки не меньше будетъ онъ нашимъ отцомъ. А можетъ ему еще и нужда въ насъ есть! — Но и то для насъ щастїе, что мы найдемъ его; — во всякомъ случаѣ не величайшее ли удовольствїе — видѣть виновника нашей жизни и исполнить то, что повелѣваетъ намъ вѣра и природа?

„Вотъ все, сударь, прибавилъ Юстинъ,— о чемъ я могъ имѣть щастїе донести вамъ, и что одно ваше снисхожденїе заставило васъ выслушать. — „

Г. де Бомонъ поблагодарилъ его за повѣствованїе. — Дитя мое, сказалъ онъ потрепавъ нѣжно по плечу Юстина, — съ твоими чувствами и обхожденїемъ вездѣ находятъ себѣ друзей: хочешъ ли ты быть моимъ другомъ? — О! нѣтъ сударь, —

смутясь отъ сей неожиданной приязни отвѣчалъ Юстинъ, — я и думать не смѣю объ этой чести. Но естьли вамъ угодно будетъ удостоить насъ своимъ покровительствомъ; то мы почтемъ себя щастливѣйшими изъ людей. — Хорошо! я вижу, что вы принимаете мою дружбу. Не хочу васъ удерживать сегодни; вы горите желанїемъ увидѣть отца своего — и ни что не можетъ быть сего справедливѣе. Но такъ какъ отъселѣ не больше пяти, или шести миль до деревни, куда вы идете; то и требую обѣщанїя, что возвратитесь ко мнѣ чрезъ два или три дни. Тогда узнаемъ мы, что съ вами случится. Вотъ какъ рѣшено, — не такъ ли? А покуда, чтобъ намъ короче познакомиться, — пойдемъ-те ко мнѣ завтракать. — Нашъ завтракъ уже кончился, сударь. — Знаю; но въ вашемъ возрастѣ всегда бываетъ добрый аппетитъ и этотъ первый вашъ завтракъ, какимъ я видѣлъ его, вѣрно не будетъ большимъ противникомъ другому. —

Дѣти не смѣли отговориться; взяли свои маленькїя котомки и пошли съ Г.

де Бомонъ. Онъ, удержавъ ихъ у себя на нѣсколько минутъ, всё вниманіе свое устремилъ на то, — чтобы испытать ихъ со всѣхъ сторонъ и узнать, точно ли они достойны того щастія, которое предположилъ онъ для нихъ здѣлать? — Г. де Бомонъ былъ богатъ и почиталъ величайшимъ удовольствіемъ дѣлать щастливыми тѣхъ, кои оказывались того стоющими. Примѣченная имъ въ Юстинѣ честность, искренность и другія добрыя свойства разположили его сердце къ сему молодому человѣку; попеченія, какія сей оказывалъ сестрѣ своей, — долженствовали быть поддержаны. Ибо кто помогаетъ честнымъ людямъ; тотъ дѣлаетъ тѣмъ больше добра, что даетъ и симъ возможность — помогать другимъ въ свою очередь.

При концѣ завтрака Г. де Бомонъ предложилъ свой кошелекъ молодому человѣку со всею осторожностію, какую только чувствительный человѣкъ умѣетъ употребить въ обхожденіи съ нещастными. Юстинъ вспыхнулъ, пробормоталъ благодарность и прибавилъ: что у него

есть еще довольно денегъ нужныхъ для путешествія ихъ. Г. де Бомонъ не настоялъ больше; но до глубины сердца былъ пронутъ симъ отказомъ: онъ увидѣлъ изъ сего, что душа молодаго человѣка точно такъ благородна, какъ сперва думалъ о ней. Онъ поцѣловалъ въ лобъ малютку Юлію, потрепалъ ее по щекѣ въ знакъ дружбы; пожалъ у Юстина руку, который почтительно уклонился; повторилъ обоимъ обѣщаніе возвратиться къ нему чрезъ два или три дни, — и пожелалъ имъ щастливаго пути.

Юстинъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ спустя три дни: радость сіяла на лицѣ его и можно было догадаться, что онъ пришелъ извѣстить Г. де Бомонъ о чомъ нибудь приятномъ. — Мы нашли, сударь, отца своего, — онъ прижалъ насъ къ своему сердцу, плакалъ вмѣстѣ съ нами и, слава Богу! совсѣмъ уже не такова, какъ былъ нѣкогда. Отнынѣ мы совершенно щастливы. Вы сами его, сударь, видѣли и, можете ли представать? старикъ на деревянной ногѣ шедшій по дорогѣ мимо насъ — былъ онъ самъ! —

Которому подалъ ты пить? — Точно такъ, сударь. — Ну - такъ наслаждайся же, молодой человѣкъ, удовольствіемъ сдѣлавши это доброе дѣло: ты помогъ въ нуждѣ отцу твоему; — и подумай о томъ мученіи, которое бы терпѣлъ ты теперь, — естьлибъ столь былъ жестокъ, что отказалъ. . . . — О! сударь, прервалъ Юстинъ, — я умеръ бы съ печали! —

Потомъ молодой человѣкъ разказалъ, — что отецъ его имѣетъ маленькую пенсію, выдаваемую отъ правительства раненымъ воинамъ; но что эта пенсія недостаточна для его жизни. — Ему еще надобно трудиться, прибавилъ онъ, — и это меня печалитъ. Но естьли Богъ благоволитъ, то — по прошествіи двухъ, или трехъ лѣтъ — я въ состояніи буду доставить покой его старости . . . . . И, — потомъ продолжалъ онъ понизя голосъ и смотря себѣ на руки, которыя вертѣли шляпу, — вы мнѣ предложили, сударь, ваше покровительство и я увѣренъ, что естьли только найдется какое нибудь прибыльное занятіе — обратите на меня свое вниманіе изъ милости къ

нашему бѣдному отцу. — Безъ сомнѣнія, мой другъ! А для начала — посмотримъ, каково ты пишешь. — Юстинъ повиновался. Г. де Бомонъ показалъ, будто почеркъ его гораздо лучше, нежели каковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. — Ты пишешь довольно хорошо, сказалъ онъ; и тебѣ надобно еще взять только нѣсколько уроковъ. Я приму тебя къ себѣ письмоводителемъ, коль скоро получу свѣденія и узнаю, каково ты умѣешь щитать, — въ этомъ мнѣ большая нужда. Что жъ касается до твоего отца; то, естьли онъ захочетъ, я дамъ ему небольшой откупъ земли на условіяхъ для него выгодныхъ; это доставитъ ему пріятную жизнь, коли только перемѣнился онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ ты говорилъ мнѣ. Сестра твоя останется при немъ — и я дамъ тебѣ два часа въ день, чтобъ ты кончилъ ея воспитаніе.

Юстинъ, внѣ себя отъ радости, хотѣлъ броситься въ ноги Г. де Бомонъ; но сей остановилъ его. — Я очень знаю, другъ мой, чувства признательности твоей; благодарить однакожъ ты долженъ одного Бога. Ибо естьли бы онъ не надѣлилъ

тебя сердцемъ честнаго мальчика; то повѣрь, что ты никогда и на мысль непришелъ бы мнѣ. Подиже къ твоимъ роднымъ; повтори имъ, что ты слышалъ и приходи найти во мнѣ своего друга. — Юстинъ тотчасъ ушелъ, — и на третій день вся семья предстала Г-ну де Бомонъ.

Этотъ благодѣтельный человѣкъ все исполнилъ, что ни обѣщалъ, и даже больше для нихъ здѣлалъ: онъ, держа при себѣ Юстина нѣсколько лѣтъ, далъ ему отмѣнное воспитаніе и опредѣлилъ къ довольно прибыльному мѣсту; Юлію выдалъ замужъ за хорошаго арендатора въ окрестности, — и видѣлъ, какъ старой отставной умеръ спокойно въ своей арендѣ — благословляя дѣтей и благодѣтеля своего.

Когда Юстинъ изъявлялъ свою благодарность; то Г. де Бомонъ сказалъ ему: — Я самъ долженъ радоваться, дитя мое; потому что многіе дѣлаютъ тоже, что я — и не получаютъ моего удовольствія, благодѣтельствуя не такъ удачно. Вспомни, какъ путникъ, котораго ты не зналъ еще — сказалъ: что Богъ бла-

тословить тебя и что ты стоишь быть щастливымъ; — вотъ это - то слово расположило къ тебѣ мое сердце! Будь всегда таковъ — и всегда будешь находить въ комъ имѣешь благодѣющаго тебѣ друга. —

Съ Франц. *Е. Филомафитскій.*

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Графу Сергѣю Михайловичу Каменскому. (*)

Не гибельная жажда славы —
При звукѣ грома мѣдныхъ жерлъ,

(*) Издатели имѣли честь получить стихи сіи отъ Его Сіятельства Графа Сергѣя Михайловича Каменскаго при слѣдующемъ своеручномъ письмѣ:

„Получивъ на сихъ дняхъ съ почтой изъ Москвы отъ неизвѣстнаго стихи безъ подписи и письма — и не знавъ кто Авторъ; а желая изъявить ему за оныя душевную мою признательность, я почелъ за лучшее — сіи стихи препроводить въ оригиналѣ къ вамъ, Мил. Государи мои! и просить, дабы напечатали вы ихъ

Не въ полѣ ратномъ бой кровавый,
Не свистъ и шумъ каленыхъ стрѣлъ
Предметъ восторга и бряцанья
Цѣвницы робкой и простой
Пѣвца, забытаго судьбой; —
Но красоты благодѣянья
И мирны, добрыя дѣла
Вельможи благотворна нрава:
Въ нихъ честь, безсмертье, слава!
Имъ, имъ моя хвала!

*

въ Украинскомъ Вѣстникѣ, буде то можно; чѣмъ премного обязать соизволите того, который имѣетъ честь быть и проч. . . .“

Издатели съ своей стороны приемъ долгомъ поставляютъ свидѣтельствовать благодарность Его Сіятельству, удостоившему ихъ Журналъ своей довѣренности; а вмѣстѣ съ симъ и чувство нелестной похвалы неизвѣстному — но спокойному быть извѣстнымъ стихотворцу, который умѣетъ чтить достоинства нашихъ Вельможъ-благотворителей, который посвящаетъ имъ звуки лиры своей. Они полагаютъ, что на Сочинителѣ сихъ стиховъ сбудутся сіи слова: отъ ищущихъ — слава бѣжитъ; а удаляющихся отъ нея по скромности — она сама преслѣдуетъ.

Слети, Богиня вдохновенья,
Въ блистаньи истинны святой
Ко мнѣ отъ горняго селенья,—
Будь вождь, и щитъ, и геній мой!
Склонися лиры надъ струнами,
Дай жизнь и огнь моимъ стихамъ —
Въ урокъ надменнымъ богачамъ
Съ презрѣнно - хладными сердцами!
Ихъ Богъ — сокровища земли;
Ихъ долгъ — однѣмъ страстямъ служенье;
Удѣлъ — отъ правоты презрѣнье
И жизнь — въ златой пыли!

*

Боляринъ Рускій, знаменитый, —
Вельможа титломъ и душой,
Во брани лаврами покрытый,
Краса — любовь страны родной!
Къ тебѣ души моей стремленье! —
Сложивъ броню и шлемъ войны,
Среди всеобщей тишины
Твоя стезя — благотворенье;
Какъ солнечный весенній свѣтъ
Даешь природѣ жизнь и силу:
Такъ ты льешь радость въ грудь унылу
Безмолвной жертвы бѣдъ.

*

Твой домъ, украшенный богато,
Гостямъ - согражданамъ открытъ:
Тамъ Терпсихора и Эрато
Съ подругой Талїей гоститъ;
Хозяинъ, ласковый душою,
Склоняетъ къ нимъ привѣтный взоръ; —
Звучитъ музыка, громкїй хоръ, —
Стеклися зрители толпою —
Богачь, бѣднякъ въ единый сонмъ;
Имъ улыбается веселье,
Питаетъ разумъ поученье:
Итти добра путемъ.

*

Не правъ, не правъ мудрецъ холодный,
Бѣгущїй дружбы Пїеридъ,
Забавъ невинныхъ врагъ виновный! —
Онъ въ ослѣпленїи не зритъ
Ихъ пользы, дѣйствїя на нравы,
Онъ не ревнивъ къ дѣламъ благимъ; —
Но ты, усердный другъ богинь,
Не ненавистникъ и забавы, —
Чрезъ нихъ привлекъ къ себѣ сердца:
А благотворности дѣлами —
Возблещешь нѣкогда лучами
Безсмертїя вѣнца! —

*

Щастливъ, кому дано Судьбами
Небезызвѣстнымъ въ мірѣ быть, —
Блистать и чиномъ, и звѣздами,
И всѣхъ богатствами дивить;
Но кто и дары благодатны —
И доброту душевныхъ силъ
Въ удѣлъ отъ Неба получилъ,
Въ чьемъ сердцѣ стоны бѣдныхъ внятны,
Кто съ ложа пышнаго встаетъ —
И нещастливца призываетъ:
„Пей радость жизни! — онъ вѣщаетъ —
При мнѣ — печали нѣтъ!„

*

Надъ нимъ десница Провидѣнья, —
Оно ему и вождь, и щитъ;
Онъ ходитъ по цвѣтамъ веселья —
И скука отъ него бѣжитъ!
Какъ токъ струистый и прозрачный —
Роскошна дола красота, —
Душа спокойна въ немъ, чиста:
Ни любочестья думы мрачны,
Ни лести раболѣпный взглядъ,
Ни гордости открытый хохотъ,
Ни зависти украдкой шопотъ
Ее не возмутятъ! —

*

Идижъ, Каменскій, благъ дорогой, —
Твоимъ щедротамъ нѣтъ препонъ!
Любимцевъ щастія — не много,
Страдальцевъ въ свѣтѣ — милліонъ!
Дѣли дни жизни благотворны,
Какъ нынѣ, вѣчно пополамъ:
Единъ — на помощъ сиротамъ;
Другій — на пиршества отборны! . . . .
Что наша жизнь? мгновенный цвѣтъ!
Но мы божественною силой
Добра — жить можемъ за могилой,
Въ потомствѣ позднихъ лѣтъ!!—

*

Къ Валгію.

(Горац. кн. II, ода 9-я).

Non semper imbres nubibus hispidos *etc.*

Не все дожди изъ облакъ льются
Въ поля на колосистый плодъ;
Не все Каспійски волны бьются
Отъ премѣняемыхъ погодъ; —
Не круглый годъ, другъ Валгій, льдами
Вода Армянъ покрыта спитъ, —

Иль дубъ Гарганскій гнетъ вѣтрами,
И съ ясеня валится листъ:
А ты все слезы льешь, все пишешъ
Стихи, — что Мистъ твой похищень;
Любовью въ вечеру лишъ дышешь
И въ утро, солнцемъ озаренъ! —
Но Несторъ не весь вѣкъ въ печали
По миломъ Антилохѣ жилъ;
Иль мать, отецъ, сестры рыдали
Не все, — какъ палъ младый Троилъ.
Престань и ты роптать жалѣя; —
А лучше воспоемъ со мной
О новыхъ Августа трофеяхъ:
Что съ меньшею ужъ быстриной
Евфратъ и Нифатъ протекаютъ,
Къ побѣдамъ вновь приобщены;
И что Гелоны разъѣжжаютъ
Въ предѣлахъ, — кои имъ даны! —

Е. Филомавитскій.

Москова Идиллія.

Когда — средь тишины приятной, безмятежной —
Поверхность водъ едва зефиры шевелятъ;

Любуюсь моремъ я, смотря съ скалы прибрежной —
И музы милыя тогда ужъ не манятъ;
И боязливый духъ мой бодростью живится,
Въ необозримую морскую даль стремится.
Когда же съ яростью дохнетъ свирѣпый вѣтръ
И море закипитъ, подъявъ сѣдой хребетъ;
Объемлетъ страхъ меня, невольно содрогаюсь, —
Съ трепещущей душей отъ моря удаляюсь
Къ вамъ, рощи мирныя, обитель тишины, —
Жилища радостны прекрасныя весны!
Люблю безпечный долъ и говоръ сосенъ зеленыхъ! —
Нещастливъ, что живетъ морей средъ преволненныхъ, —
Кому ладья есть — домъ, небесный сводъ — покровъ,
Всегдашнїе труды — рыбъ ненадежный ловъ!
А я подъ яворомъ возлягу сѣннолистымъ,
Склоню спокойно слухъ къ потокамъ тихимъ, чистымъ, —

Текущимъ близъ него; ихъ сладокъ шумъ, какъ онъ
Склоняетъ пастуховъ въ невозмущенный сонъ!

Съ Греческаго *П. Куницкій.*

Петраркинъ Сонетъ.

In qual parte del cielo in quale idea etc.

Гдѣ образъ милой взятъ моей, — въ какихъ странахъ?
Съ какого отлила природа идеала
Прелестное лице? — Такъ, имъ она желала
Явить намъ на землѣ, что можетъ въ не-
* бесахъ!
Какая Нимфа, гдѣ, — въ лѣсу, иль на водахъ
Столь нѣжные власы по вѣтру разпускала?
Чья, чья душа добрѣй когда нибудь бывала?
Хоть каждый взглядъ ея — косы сѣкущей
* махъ!

Тому и помечтать не можно о прекрасномъ,
Кто не видалъ еще моей любезной глазъ,—
Ахъ, какъ поводитъ ихъ она въ огнѣ опасномъ! —
Не знаетъ онъ еще, какъ изцѣляетъ насъ
И какъ язвитъ любовь въ усмѣшкѣ, вздохѣ страстномъ, —
Коль въ слухъ ему ея рѣчь сладка не лилась! —

Съ Италіян. Г—ій.

Къ Другу при разлукѣ.

Не долго съ тобой намъ бесѣдовать, другъ мой.
Разлука, помедли два сердца разить!
Нещастный! къ кому, ахъ, къ кому я прибѣгну?
Съ кѣмъ горе свое мнѣ дѣлить?
Недолго, мой милый . . . и въ шумну столицу,
Какъ въ море водъ капля, опустишся ты;
И что замѣнитъ мнѣ твою откровенность,
Любезный, незлобный твой нравъ?

Ахъ, что замѣнитъ мнѣ невинныя шутки?
Ты ихъ безъ обиды другимъ разточалъ.
Ахъ, что замѣнитъ мнѣ твое постоянство,
Полезны совѣты твои?
Почувствуй, чего я съ тобою лишаюсь,—
Спокойствія духа, полжизни моей!
Но будешь ли ими и ты наслаждаться,
Коль тамъ ты забудешь меня?—
Вотъ скоро воскреснетъ съ весною природа;
Но мнѣ уже болѣ не рвать ея ровъ:
Сорву незабудку — и съ сердцемъ унылымъ
Лить слезы домой побреду.
Прости не забвенный, и помни о другѣ.
Пусть щастьемъ мы розны, — но сердцемъ одни;
Хоть, правда, удѣлъ мой — грустить и томиться—
А ты веселиться рожденъ.
Будь щастливъ; но помни, что есть и нещастны.
Щади ихъ, о другъ мой, будь ласковъ ко всѣмъ;
Люби для меня ихъ — лишь симъ ты разлуку
Несносную мнѣ облегчишь.

Райдаровскій.

П. Г. Т — ву.

(При доставленіи ему прекраснаго Стихотворенія Г. Жуковскаго: *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ.*)

Умолкъ повсюду бранный громъ,
Ликъ солнца прояснился; —
Съ веселымъ, блещущимъ челомъ
Миръ кроткій къ намъ спустился.
Подъ скиптромъ добраго ЦАРЯ,
Предтеча дней блаженныхъ,
Явилась тишины заря
По буряхъ укрощенныхъ.
Низвергся, палъ Наполеонъ;
Европа отдохнула,
Умолкъ вездѣ нещастныхъ стонъ
И радость воспрянула!

*

Но подвигъ доблестныхъ вождей —
Россійскія ограды —
Вѣкъ будетъ жить въ сердцахъ людей,
И скажутъ поздни чады,
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ:
„Хвала питомцамъ славы!
„Ихъ острый мечъ нашъ плѣнъ разсѣкъ.
„Они лишь въ бой кровавый

„Рѣкой на встрѣчу потекли
„Врагу, изчадью злобы, —
„И рабство прочь съ лица земли,
„И злость сокрылась въ гробы!

*

Другъ сердца! и твоя рука
Враговъ разила въ брани:
Ты удостоился вѣнка
Заслугамъ должной дани.
Покойся послѣ грозныхъ бурь
Въ объятїяхъ подруги!
Да вѣчно чистая лазурь
Твои, твоей супруги
Щастливы осѣняетъ дни;
Да радости земныя
Во весь вашъ вѣкъ несутъ одни
Съ собой часы златые.

*

А я въ вашъ сельскїй, мирный кровъ —
Жилище ласкъ привѣта,
Несу стихи, — плоды трудовъ
Любимаго Поэта.
О естьлибъ я, какъ онъ, владѣлъ
Симъ даромъ благодатнымъ, —
На лирѣбъ звучной возгремѣлъ
Царю бождямъ и ратнымъ!

Или бъ оставя громкій строй,
Смягча перунны тоны,
Волшебной, легкою рукой
Взыгралъ любви законы:

*

Воспѣлъ бы тишину полей,
Покой и мирну радость;
Любезно общество друзей
И дружбы вѣрной сладость.
Я музъ и Грацій бы манилъ
Къ себѣ попеременно;
И слухъ, и сердце бы плѣнилъ
Мой гласъ уединенной.
Но мой ничтожный, слабый даръ
Не сотворенъ для свѣта,—
И сердце изливаетъ жаръ
Лишь дружбою нагрѣто.

Орестъ Сомовъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Миртилъ, цѣлуя нѣжну Хлою,
Сказалъ: какъ щастливъ я тобою!
Никѣмъ такъ страстенъ не бывалъ! —
Обманщикъ! Флора вдругъ вскричала,
Которa въ рощицѣ гуляла, —
Меня ты въ томъ же увѣрялъ! —

2.

„Тотъ бѣденъ, говорятъ, въ семъ мірѣ,—
Кто здѣсь живетъ не для друзей.“
Держась системы сей,
Клеонъ женился на Эльвирѣ.

3.

„Вотъ здѣсь, братъ, есть и ты!“ Правдинъ сказалъ Болтаю,
Держа какой-то онъ печатный листъ въ рукахъ;
„Да гдѣ? А! знаю, знаю:
Смотрѣть статью *О дуракахъ*.

Егоръ Акимовъ

Полтава.

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Харьковское Общество Благотворенія.

(Продолженіе).

Многіе помѣщики здѣшней и сосѣдственныхъ Губерній относятся къ намъ, желая имѣть обстоятельное свѣдѣніе объ Институтѣ для воспитанія дѣвицъ здѣсь основанномъ: какіе преподаются въ немъ науки и на какомъ положеніи принимаются тамъ пансіонерки? — Для сего мы помѣщаемъ содержаніе Устава Институтскаго, которой скоро выдетъ изъ печати.

I. Институтъ сей учрежденъ для воспитанія дѣвицъ, изъ благородныхъ фамилій, по бѣдности своей лишенныхъ способовъ къ полученію образованія приличнаго ихъ званію. 2о таковыхъ дѣвицъ содержатся на всемъ иждивеніи Общества Благотворенія до замужества ихъ, — или, по полученіи достаточнаго образованія, до выпуска въ домы богатыхъ помѣщиковъ для обученія дочерей ихъ.

II. Всѣ главныя разпоряженія въ оном дѣлаются Совѣтомъ Общества; а управленіе Института въ частности зависитъ непосредственно отъ Главной Начальницы избираемой Обществомъ, которая также есть и Членъ Совѣта. Она получаетъ сумму на содержаніе Института, распоряжаетъ ею по штату и что останется отъ оной, по окончаніи года взноситъ въ Совѣтъ. Опредѣленіе и увольненіе чиновъ внутри Института дѣлается Совѣтомъ по ея представленію.

III. При приемѣ дѣвицъ преимущественно обращается вниманіе на бѣдность; для чего должно быть удостовѣреніе отъ Корреспондента Общества, или Предводителя Дворянства того уѣзда, откуда дѣвица; также и свидѣтельство Доктора о здоровомъ ея сложеніи. Представляемая дѣвица должна быть не моложе 7 и не старѣе 12 лѣтъ отъ роду. Естьли бы случилось — что таковая воспитанница оказалась лишенною понятій и дарованій отъ природы; то — дабы не тратить напрасно содержанія и усилій къ ея образованію — она, по совершенномъ

въ томъ удостовѣреніи, возвращается обратно къ поручившимъ ее.

IV. Чтобъ сіе заведеніе здѣлать болѣе общественнымъ, то принимаются въ оное и пансіонерки во всякое время года. Онѣ пользуются всѣмъ содержаніемъ и ученьемъ въ Институтѣ такъ же, какъ и воспитанницы Общества. Онѣ приносятъ съ собою бѣлье, платье зимнее и лѣтнее, обувь, постѣль, книги, карандаши и все потребное для ученья рукодѣльямъ; сверьхъ сего серебряную ложку, ножи, шесть салфетокъ и проч. по разсмотрѣнію ихъ родителей — что все вписывается обстоятельно въ шнуровую книгу и при выходѣ пансіонерки изъ Института, возвращается ей противъ здѣланной записки. — За каждую пансіонерку платится въ годъ *двѣстѣ пятьдесятъ* рублей, взнося деньги впередъ за третьь, полгода и за весь годъ по условію; но всегда щитая годъ отъ 1 го Генваря. А потому и начало сихъ третей будетъ постоянно въ Генварѣ, Маіѣ и Сентябрѣ, на примѣръ: если бы пансіонерка вступала въ Институтъ въ Мартѣ мѣсяцѣ и родственники ея же-

лали платить по третямъ; въ такомъ случаѣ взносятся деньги слѣдующіе по расчету изъ 250 руб. до 1-го Маія и такъ же съ того числа до 1-го Сентября. По сему же разположенію взносятся деньги за полгода, или и за годъ. Пансіонерки желающіе имѣть при себѣ служанку, платятъ сверьхъ всего за содержаніе оной 50 руб.; а если захотятъ чтобъ она обучалась и рукодѣльямъ, прибавляютъ еще 70 руб. въ годъ.

За полупансіонерокъ, или дѣвицъ пользующихся только ученьемъ, не назначается постоянная цѣна; но опредѣляется особенно, смотря по состоянію каждой. Желающаяжъ имѣть кромѣ ученья и обѣденный столъ, платитъ сверьхъ того 100 руб. въ годъ. Дѣвицамъ, коихъ сами родители находятся въ бѣдности, Совѣтъ получивъ въ томъ несомнительное удостовѣреніе, позволяетъ приходить въ Институтъ для ученья безъ всякой платы.

Примѣчаніе: Пансіонерки и полупансіонерки могутъ быть и изъ купеческаго званія, кромѣ мѣщанокъ и крестьянокъ.

При опредѣленіи пансіонерки и полупансіонерки, представляется свидѣтельство о званіи ея родителей, удостовѣреніе отъ доктора, что она не имѣетъ ни какой внутренней, ни прилипчивой болѣзни и что оспа на ней была, или не была.

V. При обученіи дѣвицъ въ Институтѣ, первое попеченіе состоитъ въ томъ, — дабы заблаговременно посѣять и вкоренить въ сердца ихъ благоговѣніе къ Вѣрѣ: то есть: безпрекословное почитаніе и исполненіе Христіанскаго благочестія. Законъ Божій преподается духовною особою, по ученію и нравственности извѣстною въ городѣ; сей же самый наставникъ показываетъ имъ и общія должности человѣка, а въ особенности женскаго пола во всѣхъ его отношеніяхъ. Уставленныя правилами утреннія и обыкновенныя вечернія молитвы читаются очередною дѣвицею всегда въ присутствіи Смотрительницы, съ должнымъ благоговѣніемъ и строгимъ порядкомъ. Въ воскресные и праздничные дни дѣвицы бываютъ у обѣдни; въ дурную же погоду,

время службы занято изъясненіемъ Евангелія имъ въ классѣ.

VI. Прочія науки преподаваемыя въ Институтѣ суть: Грамматическое знаніе Рускаго языка въ чтеніи и на письмѣ; Арифметика; нужныя свѣденія изъ Географіи; также Исторія: священная, Всеобщая Отечественная и Естественная; часть Риторики и Рисованье. — Сверьхъ сего обучаются еще танцованью и музыкѣ *) За сіи послѣднѣе предмѣты пансіонерки платятъ особо учителямъ: музыки

*). Кромѣ Гг. учителей сихъ искуствъ, обучающихъ воспитанницъ безъ платы, съ 1 Сентября 1815 года Г. Канатовъ, студентъ здѣшняго Университета, сынъ помѣщика Херсонской Губерніи и — Г. Демьяненковъ, помѣщикъ Валковскаго уѣзда, предложили услуги свои обучать всѣхъ вообще дѣвицъ въ Институтѣ безъ всякой платы, — первой Св. Исторіи и Арифметикѣ, другой чистописанію. Да утѣшатся родители сихъ молодыхъ людей узнавъ, — что они при отличномъ похвальномъ поведеніи своемъ, знаніи свои и свободное время — первѣйшую ихъ собственность — посвящаютъ на пользу ближнимъ. И вотъ это безъ сомнѣнія суть плоды истиннаго просвѣщенія! —

150 руб. танцованія 50 въ годъ. Ученье иностраннымъ языкамъ для пансіонерки предоставляется на волю ея родителей.

VII. Бездѣйствіе въ домашней жизни и не охотность къ рукодѣльямъ раждаютъ многія зла для женскаго пола; по чему въ свободные отъ наукъ часы дѣвицы въ Институтѣ обучаются всѣмъ женскимъ рукодѣліямъ, какъ-то: кроить, шить, вышивать разнымъ образомъ и вязать; сверьхъ того домоуправленію. А что бы въ работѣ не было недостатка; то позволяется принимать оную со стороны, за цѣну назначаемую отъ Главной Начальницы.

VIII. Для большаго устройства и приобученія дѣвицъ къ порядку домоправленія,— поручается отличнѣйшимъ въ ученіи и благонравіи храненіе книгъ; рисунковъ, вещей принадлежащихъ къ рукодѣльямъ, такъ равно платья, бѣлья и проч. и все это подъ главнымъ за ними наблюденіемъ Смотрительницы. Сверьхъ сего бываетъ всегда по Институту *дежурная дѣвица* по очереди, не выключая и Пансіонерокъ. Ея обязанность состоитъ въ наблюденіи порядка внутри Института по частямъ

хозяйственной, учебной и такъ же въ присмотрѣ за кухнею. На другой день она должна подать записку о всемъ происходившемъ въ ея дежурство, дѣлая притомъ замѣчанія по своему разсужденію (*).

Неусыпно и строго наблюдается въ Институтѣ, что бы воспитывающіяся тамъ дѣвицы не имѣли ни какого сношенія и почти никакихъ разговоровъ съ служителями въ Институтѣ; но таковое запрещеніе производится съ величайшею осторожностію и разсмотрѣніемъ, — дабы не поселить въ нихъ унижающей человѣчество мысли, что служители наши суть

(*) Примѣромъ ихъ искренности и добродушія можетъ служить слѣдующее: въ одной изъ таковыхъ записокъ между прочимъ, послѣ описанія обѣденнаго стола, сказано было дежурною: — „Обѣдъ состоялъ по обыкновенію изъ трехъ „блюдъ: борщу, каши и жаркаго; но хорошо ли „было кушанье изготовлено, или въ чемъ былъ „недостатокъ, — не могу здѣлать своихъ замѣ„чаній; потому что, за слабое знаніе урока, была „я въ тотъ день безъ обѣда.„ Вообще сіи записки отличаются точностію, желаніемъ вникать во все и успѣть въ правильномъ изложеніи своихъ мыслей.

существа гораздо насъ низшія и не заслуживающія нашего вниманія и участія. Это запрещеніе показывается имъ въ настоящей его пользѣ; то есть: что онѣ, отъ обращенія съ служителями, непримѣтнымъ образомъ занимаютъ ихъ пріемы въ выговорѣ, въ поступкахъ; а сіи, по не образованности служителей, весьма не сходны съ обращеніемъ благовоспитанныхъ людей; — и потому неприлично и нетерпимо въ обществѣ, для котораго онѣ приготовляются; — притомъ, служители наши отъ вольнаго съ ними обращенія, теряютъ къ намъ уваженіе, дѣлаются непослушными, заставляютъ насъ иногда выйти изъ терпѣнія и раздражаютъ насъ противъ себя.

IX. Кромѣ ежемѣсячныхъ испытаній въ успѣхахъ воспитывающихся дѣвицъ, бываютъ публичные въ исходѣ Іюня мѣсяца, на основаніи Устава учебныхъ заведеній. Оказавшимъ хорошіе успѣхи въ ученіи и отличившимся въ благонравіи, раздаются при торжественномъ Собраніи Общества, бывающемъ въ Августѣ мѣсяцѣ, установленные серебрянные зна-

ки отличїя *за прилѣжность*, книги, рисунки, похвальные листы — и проч.

X. Приготовляемая для дѣвицъ пища всегда бываетъ здорова и достаточна для всѣхъ; почему ничто изъ съѣстнаго не отпускается прежде, нежели будетъ одобрено Смотрительницею и при ней дежурною; дни постные всѣ строго наблюдаются. Смотрительница всегда бываетъ за столомъ и наблюдаетъ, — что бы всѣ дѣвицы во время стола сидѣли смирно, пристойно кушали и ни о чемъ тихо межъ собою не разговаривали, но въ слухъ, — дабы всякая рѣчь ихъ была ей слышима и вообще наблюдаема учтивость, благопристойность.

XI. Что бы воспитанїе дѣвицъ всегда съ надлежащимъ порядкомъ происходило и отнюдъ ни чемъ не было прерываемо; то для сего родители и родственники дѣвицъ въ учебные дни не могутъ имѣть съ ними свиданїя, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней и то въ присутствїи Смотрительницы. Впрочемъ, членамъ только Совѣта, учителямъ, священнику, доктору и проѣзжающимъ знатнымъ особамъ

позволяется входъ въ Институтъ; прочіе всѣ должны для сего имѣть билетъ отъ главной начальницы.

XII. Для случающихся въ Институтѣ больныхъ дѣвицъ, назначены особливые комнаты; а присмотръ за ними поручается одной изъ старшихъ воспитанницъ, дабы приучить ихъ къ состраданію и Евангельской добродѣтели — помощи болящимъ.

XIII. Когда воспитанница выдается замужъ, — Совѣтъ обращаетъ вниманіе на состояніе, нравственность и положеніе дѣлъ желающаго взять ее за себя. Въ приданое за нею, кромѣ положеннаго платья, бѣлья и проч: выдаетъ денежное награжденіе, смотря по способамъ къ тому. При отпускѣ изъ Института выдано ей будетъ отъ Совѣта свидѣтельство, предъявляя которое можетъ она прибѣгать въ нещастныхъ случаяхъ опять къ сему мѣсту — яко попечителю всѣхъ бѣдныхъ, — а тѣмъ болѣе сиротъ имъ призрѣнныхъ, дабы Совѣтъ могъ по возможности доставить ей пособіе, естьли только она

благонравіемъ и добрымъ поведеніемъ своимъ сохранить для себя сіе право.

Статьи, коими Совѣтъ будетъ руководствоваться при выпускѣ воспитанницъ изъ Института въ домы помѣщиковъ для обученія дочерей ихъ, — въ подробности объявятся чрезъ Украин. Вѣстникъ; тамъ же назначатся и условія и срокъ, когда онѣ будутъ отпущены.

Доводя до свѣденія желающихъ сіи подробности мѣста — въ здѣшнемъ краѣ перваго и почти единственнаго, не щитаемъ излишнимъ въ свое предостереженіе сказать и то, — что естьли бы нашлись люди — участники ли то въ семъ Обществѣ, или посторонніе, — кои по какимъ нибудь личностямъ, или по какому нибудь странному — неизъяснимому чувству, но къ стыду человѣчества не рѣдко встрѣчающемуся, худо отозвались бы о семъ заведеніи; кои не только не поддерживали бы его, не только отказывались бы однажды представивъ себя благотворителями — но даже старались бы, разпуская невыгодные слухи, разрушить сіе заве-

деніе — какъ безполезное; — естьли бы нашлись такіе люди, — то даже долгомъ своимъ почли бы мы напомнить имъ: — въ добродѣтеляхъ, особливо въ благотвореніи, личностямъ ни когда быть не должно. При семъ олтарѣ, — посвященномъ любви ближняго, — или должно *лримиришься*, или оставить *даръ* и приношеніе; иначе оно превратится въ *злотвореніе*. Въ послѣднемъ случаѣ сказать: что даже большая часть—не составляютъ еще *всѣхъ*; что были и будутъ всегда люди,—истинные благотворители; что наше Правительство, нашъ Престолъ — среди величайшихъ добродѣтелей — болѣе всѣхъ украшается благостію, щедротою, милостію, состраданіемъ къ бѣдности вообще человѣчества и особенно сыновъ своихъ— и вѣрно Возсѣдящій на немъ обратитъ благотворные взоры свои на сіе заведеніе въ нуждѣ онаго;— что сверьхъ всего — есть Богъ, Коего первѣйшее, признанное всѣми вѣками, во всѣхъ мѣстахъ, всѣми людьми Его познавшими, свойство есть — промыслъ о тѣхъ изъ разумныхъ тварей, кои оставляются имъ подобными безъ при-

зрѣнїя, безъ помощи, безъ состраданїя! — Можно бы здѣсь еще прибавить, что сей Богъ благости, — есть вмѣстѣ и Богъ правосудїя; что не рѣдко наказуетъ Онъ жестокосердыхъ тварей своихъ и часто тотъ, который отказывалъ въ помощи бѣдному, или клеветалъ на него и поносилъ — часто тотъ, или его дѣти — принуждены бываютъ сами прибѣгать къ дѣтямъ бѣдняка, ими нѣкогда отверженнаго, ими съ презрѣнїемъ поносимаго.—....

Но какъ изложенїе сихъ мыслей есть только предосторожность; то мы остаемся въ приятной надеждѣ, что будемъ изъявлять одну благодарность истиннымъ благотворителямъ, — что станемъ описывать только черты первѣйшей добродѣтели для удовольствїя добрыхъ, для утѣшенїя и упованїя бѣдныхъ и нуждающихся, для возбужденїя во всѣхъ соревнованїя ко благу общему.

(*Продолженїе впредь*).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ.

О подложномъ золотѣ.

Благодарю васъ, Мм. Гг, за помѣщеніе въ вашемъ Журналѣ перваго моего къ вамъ письма. Авосьлибо оно не будетъ безъ пользы! Пишу теперь къ вамъ другое, которое однакожъ не касается до жизни человѣка; а только до его кармана.

Былъ я не давно у одного изъ моихъ пріятелей, и увидя на часахъ его новую цѣпочку, безъ всякаго намѣренія спросилъ: что она стоитъ? — „Семдесятъ рублей, отвѣчалъ онъ мнѣ; она червоннаго золота, — куплена здѣсь о Крещенской ярмонкѣ въ богатомъ магазинѣ и хозяинъ его ручался мнѣ своею честію, что она изъ чистаго червоннаго золота.“ — Взявъ цѣпочку въ руки удивился я легкости сего чистаго золота; даже и цвѣтъ его возбудилъ во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе. Пріятель мой, это примѣтя, предложилъ — не знаю ли я средства повѣрить *честь* купца и неподложность цѣпочки? — Ничего нѣтъ легче, отвѣчалъ я; это мое

дѣло, — только пожалуйте ко мнѣ съ вашей цѣпочкою и пожертвуйте хоть однимъ изъ нея колечкомъ. — Пріятель мой пріѣхалъ; я взялъ цѣпочку и взвѣсилъ: она была въ восемдесятъ грановъ. Послѣ сего я отломилъ одно изъ нея колечко которое вѣсило 3,6 грановъ; пошелъ съ нимъ въ Университетскую Химическую лабораторію и облилъ его царскою водкою. Вообразите себѣ — разтворъ сего червоннаго золота въ царской водкѣ былъ — зеленаго цвѣта, какъ будто отъ мѣди! Чрезвычайно малое количество солянокислаго серебра показалось на днѣ сосуда, которое послѣ тщательнаго отдѣленія и взвѣшиванія имѣло только 0,20 грана и слѣдовательно содержало 0,15 грана чистѣйшаго серебра. Находящееся въ жидкости золото отдѣлилъ я зеленою сѣрнокислою закисью желѣза и получилъ такимъ образомъ 1,85 чистѣйшаго золота. Прочая жидкость содержала мѣдь, а именно 1,6 грана.

По сему содержанію заключилъ я, что во всей сей цѣпочкѣ 80-ти грановъ находится:

Золота - - - - 41,11 гран.
Серебра - - - - 3 33 ——
Мѣди - - - - 35,55 ——

всего 79,99. гран.

Изъ количества составныхъ частей сего поддѣланнаго золота вы видите, Мм. Гг. что въ цѣпочкѣ находилось чистаго золота не больше какъ рублей на шесть. Не грѣшно ли же, не противузаконно ли брать купцу за такую вещь семдесятъ рублей? Покупщикъ долженъ былъ заплатить въ десятеро дороже за то, что онъ самъ не знатокъ въ такихъ вещахъ, и повѣрилъ *чести* купца! —

Богачи, будьте осторожны въ галантерейныхъ магазинахъ,, тамъ *не все то золото, что блеститъ*.,, —

Сообщая о семъ вамъ, Мм. Гг! —

имѣю честь быть вашъ

Покорнѣйшій слуга

Орестъ Шуманъ.

Магистръ Химіи.

Письмо 3е въ Херсонъ.

Давно и я къ тебѣ не писалъ уже, мой другъ! Причинажъ этому совсѣмъ не та, какъ ты, предполагаю, думаешъ: будто бы мнѣ писать было не о чемъ; напротивъ множество предмѣтовъ такъ развлекли мой умъ, въ такую привели меня нерѣшимость,—что я, выбирая изъ нихъ лучшіе — до сихъ поръ молчалъ. Естьли опять подумаешъ, — что сіе множество предмѣтовъ было — отъ нашего театра; — то опять ошибешся. Правда, — тамъ представленія продолжались до послѣднихъ дней масленицы и слѣдовательно было чего смотрѣть, было о чемъ судить, — говорить съ тобою; но я по многимъ причинамъ почти совсѣмъ отложилъ попеченіе — писать о театрѣ. Нѣкоторымъ пришла мысль, будто бы статья эта за тѣмъ попала въ Украинскій Вѣстникъ, что *не чѣмъ наполнять его*; — такъ я хочу показать тому противное и согласиться лучше съ благомыслящими, что этотъ предмѣтъ *не большой важности*. Другіе подумали и рѣшили, что я не имѣю

свѣденій, дабы судить о театрѣ; — противъ сего я долженъ смириться! Да и потеряю ли что нибудь, когда не станутъ знать моихъ сужденій о здѣшнемъ театрѣ? А съ тобою — мы можемъ поговорить и легонько. Нѣкоторые даже причли мнѣ и въ порокъ сердца мои сужденія: будто бы хотѣлъ я разстроить театръ, какъ новое и еще не усовершившееся заведеніе; — увѣряю, что я чуждъ сего проступка; первая и любимая мысль моя всегда была — способствовать къ чему нибудь полезному, естьли могу, — а не разстроивать. Притомъ же, не бывъ знакомъ съ симъ чувствомъ козней, лишился бы я добраго мнѣнія людей, которыхъ вниманіемъ долженъ дорожить и дорожилъ всегда. И такъ — я докажу моимъ обвинителямъ, что во мнѣ нѣтъ тѣхъ *похвальныхъ* свойствъ, кои они мнѣ приписывали и буду впередъ простымъ зрителемъ нашего театра. Что не стану рукоплескать неловкости актеровъ, что отдамъ справедливость талантамъ нѣкоторыхъ — разумѣется тихо самъ съ собою; такъ за это кажется не положенъ

штрафъ и вѣрно мы всѣ будемъ въ мирѣ и добромъ согласіи.

Но я удалился отъ *множества предмѣтовъ*. Какіежъ они — ты спросишъ? — Приходъ въ нашъ городъ лавро-увѣнчанныхъ подвижниковъ нашихъ съ поля чести и славы; празднества по сему случаю; чувства къ нимъ благодарности мирныхъ гражданъ; взаимное отъ героевъ изліяніе признательности за родственный приемъ и — не правда ли, что здѣсь великое обиліе предмѣтовъ заслуживающихъ быть извѣстными? — Какъ бы я желалъ имѣть на этотъ разъ твой талантъ объясняться, мой милый Лаконикъ, — чтобъ въ нѣсколькихъ чертахъ и живо, и вѣрно написать картину нашихъ торжествъ, — какъ ты бывало въ четырехъ словахъ *монументъ трясся*, *Исакій вздыхалъ* живописалъ мнѣ изъ Петербурга тамошнія гулянья о Святой Недѣлѣ и вмѣстѣ съ симъ чувства, долженствовавшія родиться при видѣ тысячи каретъ кружившихся вокругъ монумента Петра Великаго и Церкви Исакіевской? — Но я въ этомъ не успѣю и чувствую, что твой та-

лантъ — останется въ тебѣ неподражаемымъ, — покрайней мѣрѣ для меня. Примижъ мою Аттическую, т. е. длинную, но безъ Аттической соли реляцію; возьми изъ нее матерію — чувства и переработай, естьли хочешъ, для себя по своему.

Въ первыхъ числахъ прошедшаго Февраля начали вступать и проходить полки черезъ нашъ городъ. Тутъ я услышалъ военную музыку — и сердце забилось во мнѣ, кровь запылала и полилась какъ пламень въ моихъ жилахъ. Не понимаю самъ, что за чувство раждаетъ эта музыка! этотъ видъ броненосныхъ любимцевъ славы! — Они столько прошли пространства земли, столько понесли трудовъ, столько одолѣли препятствій, — что казалось бы это выше силъ смертнаго; — и они однакожъ бодры, не примѣтно ни въ одной чертѣ, ни въ одномъ ихъ движеніи утомленія; они даже веселы, какъ будто бы возвращалися съ какого нибудь пира! — Можетъ быть святое дѣло — ими совершенное, родные поля защищенные, жизнь соотечественниковъ спасенная, — можетъ быть всё сіе укрѣпля-

ле ихъ въ опасностяхъ, въ трудахъ! Можетъ быть мысль — добраго дѣла, мысль — что они возвращаются въ отечество, къ роднымъ разливаетъ веселіе на ихъ лицахъ; — не могу рѣшить. Знаю только, видѣлъ я только собственными глазами, — что чрезъ часъ, не больше, по вступленіи 39 Егерьскаго полка въ нашъ городъ — солдаты онаго вышли за ворота квартиръ своихъ съ трубками, тутили и забавлялись межъ собою, какъ будто бы они пришли не изъ похода и не съ отдаленнаго конца Европы! ! —

Къ половинѣ Февраля всѣ и Генералы, и Штабъ и Оберъ-Офицеры прибыли. Пришедъ въ Благородное Собраніе — пораженъ я былъ сіяніемъ звѣздъ и крестовъ украшавшихъ грудь Героевъ — оплотъ Отечества, благословенной Свыше Россіи. Давно уже я не наслаждался симъ зрѣлищемъ — и признаюсь въ то время, какъ я былъ въ Столицѣ, доблесть сыновъ Россіи еще не была въ полной силѣ доказана свѣту; а потому и знаки отличій — очень рѣдко удавалось мнѣ встрѣчать. Но послѣ подвиговъ

начиная съ 1812 по 1816 годъ — есть-либь и всѣ брилїянты свѣта украшали грудь Россовъ; все бы еще не была велика награда заслугамъ ихъ! — Среди шуму я обыкновенно люблю — быть самъ съ собою; и посреди сего собранїя я перелеталъ мыслїю отъ настоящаго къ прошедшему: вспоминалъ Сентябрь и Октябрь 1812 года, представлялъ себѣ всеобщее уныніе, блѣдность на всѣхъ лицахъ— съ кѣмъ бывало ни встрѣтишся, — первый вопросъ съ тяжелымъ вздохомъ: *что слышно? Что съ нами будетъ?*— Вспоминалъ я съ содроганїемъ анекдоты (*) люто-

(*) Это не риторическое изобрѣтенїе; вспомни, какъ ты самъ разказывалъ мнѣ слышанное тобою отъ очевидца въ проѣздъ твой (1813 года) черезъ Москву: что„ одинъ Священникъ скрывалъ въ домѣ сокровище — единственную дочь свою; Офицеръ Французскїй и трое солдатъ ворвались въ домъ, все переискали; наконецъ выламываютъ двѣри у свѣтлички. Священникъ руками заграждаетъ путь злодѣямъ; Офицеръ видитъ дѣвицу — и двѣ сабли отдѣляютъ двѣ руки у старца; дочь бѣжитъ — и сѣдая голова отца ея, какъ шаръ, катится къ ногамъ жертвы безчеловѣчїя и разврата ни какимъ языкомъ невыразимаго!!„ —

сти въ просвѣщенныхъ людоѣдахъ — Французахъ, когда они были въ Москвѣ; вспоминалъ, какъ бывало всякое дѣло падало изъ рукъ отъ ожиданія чего то ужаснаго;— вспоминалъ — и вдругъ смотрѣлъ на многочисленное собраніе ярко освѣщаемое; видѣлъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ движеніяхъ одно чувство — радость; слышалъ звуки музыки — призывающей къ пляскѣ и всѣхъ оживляющей; хоръ пѣвчихъ — прославляющихъ громко и Царя нашего, и Отечество, и защитниковъ его;— видѣлъ, слышалъ все это — и непостигалъ, какая перемѣна въ моихъ мысляхъ?— Разсуждая только далѣе — приводилъ я себѣ на умъ: что блаженствомъ, послѣ благости Всесоздавшаго, — что всѣмъ, чемъ теперь наслаждаемся, — обязаны мы симъ Героямъ лишавшимся покоя за нашъ покой! — Можешь ли ты представить себѣ, чувствовалъ ли ты когда нибудь то чистое небесное удовольствіе — смотрѣть на красоту нашихъ дѣвъ всѣми прелестями изукрашенныхъ, на гибкость и легкость въ ихъ танцахъ, — на любезность въ обращеніи, въ разговорахъ;

словомъ — я не выражу тебѣ ничего, а спрашиваю только: знаешь ли ты чувство — потерянное для грубыхъ сластолюбцевъ, неизвѣстное холоднымъ нелюдимамъ никогда не жившимъ, а только дышавшимъ (*)? — вотъ это чувство разливалось тогда въ душѣ моей! Благодарность къ тѣмъ, кои удаливъ гибель отъ нашей страны водворили въ ней тишину и радость, дали цвѣсть красотамъ нашимъ подъ яснымъ небомъ мира, — благодарность сія увеличивала мое блаженство.—Хотѣлъ бы я сообщить,—описать его тебѣ, какъ другу моему: но — о! для душевной радости, какъ и печали нѣтъ словъ, не изобрѣтенъ еще языкъ! — Естьлибъ ты былъ тогда подлѣ меня и не тожъ чувствовалъ по какой нибудь странности, что я; то прикоснувшись къ рукѣ твоей, или приложивъ ее къ сердцу

(*) Кто, бывъ молодъ, не смѣялся,
Не плясалъ и не пѣвалъ;
Тотъ ни чѣмъ не наслаждался, —
Въ жизни не жилъ, а дышалъ.

Дмит — въ.

своему, — я можетъ быть и сообщилъ бы тебѣ мое чувство!! — Пусть и это почтутъ *сантиментальностію* (ею теперь называютъ многія чувства!); — не боюсь: ибо для тебя пишу, — а ты меня и знаешь, и понимаешь.

Быстро пройду я праздники, данныя въ честь дорогимъ Гостямъ нашимъ; они отличались не пышностію, не великолѣпіемъ: ибо, по утонченности и улучшенію теперь вездѣ образа жизни, многое должно соединиться, — чтобъ составить балъ, который бы можно было назвать истинно великолѣпнымъ! Прочитавъ у Державина описаніе празднества даннаго Великой Екатеринѣ Княземъ Потемкинымъ и сравнивъ его съ празднествами древнихъ Римскихъ Вельможъ въ описаніяхъ отрывками намъ сохраненныхъ, — и я уже могу представить себѣ, что должно значить великолѣпіе нынѣшнихъ праздествъ!! — Нѣтъ, наши балы отличались и сіяли — усердіемъ хозяевъ, признательностію гостей, душевнымъ удовольствіемъ тѣхъ и другихъ, — что ты можешь заключить изъ послѣдняго

бала, который давали Военные — и который постараюсь описать тебѣ нѣсколько подробнѣе. — И такъ 12 Февраля давало балъ Купечество; — 14-го балъ и ужинъ здѣшнiй Губернскiй Предводитель Дворянства А. Ѳ. Квитка въ своей прелестной Основѣ — отстоящей отъ города не болѣе, кажется, версты; 17-го Предводитель Харьковскаго уѣзда I. Н. Познанскiй въ домѣ Благороднаго Собранiя; 19-го Графъ Петровичь - Подгоричани въ маломъ домѣ Университета; а 20-го въ послѣднiй день масленой недѣли Военные, желая отблагодарить гражданамъ, въ Университетской же залѣ. Вообрази этотъ быстрый переходъ отъ веселья къ веселью! Но онъ не былъ утомителенъ; потому что не принужденiе имъ управляло, а усердiе и благодарность. 18 Февраля ни кто еще и не думалъ о балѣ къ 20-му; но съ утромъ все закипѣло! Военные волшебники: ихъ приказанiя нигдѣ почти не имѣютъ разстоянiя съ исполненiемъ. Зала украсилась не обыкновеннымъ образомъ: одна изъ ея стѣнъ, на коей въ срединѣ стоялъ портретъ Августѣйшаго Монарха нашего

АЛЕКСАНДРА, вся одѣта была — ружьями; вмѣсто лучей отъ портрета сіяли — сабли; на верху серебряныя Георгіевскія трубы, жалованныя за отличіе Ярославскому полку; по угламъ сей стѣны возвышались пирамиды построенныя — изъ барабановъ. При первомъ воззрѣніи на сіи украшенія раждалась мысль, — что Герои, окончивъ бранный подвигъ, вѣшаютъ оружіе свое на стѣны, — или лучше повергаютъ предъ Августѣйшимъ Монархомъ своимъ до тѣхъ поръ, какъ Онъ повелитъ опять взять оное къ защитѣ, или славѣ Отечества и Трона. Шесть сотъ свѣчъ въ залѣ для сего освѣщенія очень небольшой горѣли — и отражаясь отъ зеркалъ, картинъ, — встрѣчаясь съ блескомъ ружей, играя и отливаясь на саблях — представляли все горящимъ для глазъ! Хоръ пѣвчихъ и при музыки военныхъ потрясали своды залы, восхищали сердца, оживляли танцующихъ. Одинъ Генералъ, два Полковника и нѣсколько Штабъ и Оберъ-Офицеровъ ожидали прихода Губернскаго Предводителя Дворянства, и въ лицѣ его торжественно изъявили Дво-

рянству и всѣмъ сословіямъ Слободско-Украинскимъ признательность за добрый приемъ войскъ, за довольство ихъ и угощенія. Въ продолженіи бала—нельзя было ничего пожелать гостямъ, чѣмъ бы тотчасъ два-три героя не готовы были услужить! Нѣкоторые изъ Генераловъ открывали всѣ танцы и украшали ихъ. О уборахъ прекраснаго пола — и говорить не могу; объ угощеніи и обиліи во всемъ — также: для сего нуженъ былъ хладнокровный зритель; — но тамъ всѣ чувствовали только, веселились, удивлялись и наслаждались! Посему ты можешь судить о продолженіи бала. — Но я не имѣлъ намѣренія описывать всѣ его подробности; хотѣлъ только удѣлить тебѣ свою радость, что послѣ бури бранной — мы наслаждаемся тишиною благодатнаго мира. Помню гдѣ-то Мармонтель сказалъ: скорое забвеніе нещастій есть даръ, который дала животнымъ природа и въ которомъ она отказала человѣку; — это, мнѣ кажется, или несправедливо сказалъ онъ,—или справедливо только тамъ, гдѣ онъ сказалъ. Ибо и человѣкъ не забыть

природою — нѣжнѣйшею матерью; и онъ скоро забываетъ свои нещастія, естьли только не былъ самъ — порочный ихъ виновникъ. Ссылаюсь въ этомъ на наши нещастія — очень недавно тяготѣвшія надъ нами, и на радость — насъ теперь исполняющую ! ! —

Хотѣлъ бы я при концѣ и сего письма спросить тебя о причинѣ твоего молчанія; но боюсь слишкомъ рѣзко перемѣнить тонъ его. Ибо угадываю причины и другихъ придумать не могу: какъ что ты или опять принужденъ употреблять въ жизни твоей *горчицу*, коею ты *не хотѣлъ насъ потчивать* изъ Петербурга — и молчалъ цѣлые четыре мѣсяца; или уже слишкомъ живешь разсѣянно — и молчишь по обыкновенію всѣхъ въ такомъ случаѣ. И такъ не хочу тебя спрашивать о причинахъ: справедлива первая, — такъ слогъ мой перемѣнится въ печальный; справедлива вторая, — такъ въ поучительный или совѣтовательный. Пусть же онъ останется нѣсколько ровенъ, прости. —

Ф—ій.

VI. СМѢСЬ.

Письмо изъ Херсона.

Поспѣшаю сообщить вамъ, Милостивые Государи, новость здѣшняго Благороднаго Театра и остаюсь въ пріятной увѣренности,— что вы доставите намъ удовольствіе видѣть ее въ вашемъ Вѣстникѣ. — Новость сія конечно не составляетъ предмѣта рѣдкаго; но она блеснула въ глазахъ нашей публики, какъ первое здѣсь и пріятное явленіе. Впечатленіе отъ сего было сильнѣе и потому еще, что здѣлано оно въ честь Начальнику здѣшняго порта Капитанъ Командору и Кавалеру Филипу Тимоѳеевичу Быченскому I-му, при полученіи имъ отъ Монаршей милости — Контръ-Адмиральскаго чина. Празднество 20-го Февраля въ Воскресенье было составлено Чиновниками здѣшняго порта; оно выражало чувства глубочайшаго уваженія, радости и любви ихъ, и служитъ памятникомъ въ честь какъ отличному начальнику, такъ и благороднымъ чувствамъ его подчиненныхъ. Явленіе сіе

тѣмъ было поразительнѣе,—что представлено сверьхъ всякаго чаянїя въ то время, какъ ожидали уже начала представленїя на Театрѣ: оканчивается музыка — открывается сцена и представляется лѣсъ, вечеръ и глубокая тишина; вдругъ блещетъ молнїя, ударяетъ громъ, съ облаковъ слетаетъ Меркурїй, и говоритъ:

Днѣсь славу подвиговъ отъ Юга я внимая,
И доблесть силъ моихъ въ Героѣ созерцая,
Хочу въ награду дѣлъ, въ знакъ чести и хвалы,
Да мощные мои парящіе орлы
На раменахъ его со славой возсїяютъ,
И свѣту о его заслугахъ возвѣщаютъ! —
Пусть славы Генїи при звукахъ, торжествѣ,
Въ лучахъ безсмертїя и лавровомъ вѣнкѣ, —
Днѣсь имя славное его для всѣхъ представятъ
И въ поздни времена его потомству славятъ.
Вѣщая наконецъ Меркурїй рекъ: явись!
И бысть.

Съ словомъ *бысть* Меркурїй скрывается; но по манїю жезла его въ одно мгновенїе блещетъ молнїя, ударяетъ громъ, въ сїянїи на воздухѣ является вензеловое имя Начальника Порта, гремитъ музыка, и хоръ пѣвцихъ поетъ съ нею:

Герой Россїйскій прославляйся
И новой честью украшайся:

Се, въ знакъ награды отъ судьбы
За подвигъ и труды,
За счастье и покой
Дарованны тобой, —
Отъ неба льется дождь златой!

Въ тужъ минуту передъ вензеловою картиною съ шумомъ падаетъ дождь золотой, и занавѣсъ опускается.

Всѣ зрители то одушевлялись сладкимъ восхищеніемъ, то предавались тихому изумленію. — Въ одно мгновеніе громкія рукоплесканія и восклицанія наполняли весь Театръ, и наконецъ признательность Генерала смѣнила общую благодарность; тогда представилось мнѣ, что награда заслугъ и награда добродушія слились въ одно чувство въ сердцѣ почтеннаго, всѣми уважаемаго и любимаго Генерала; всѣ это видѣли въ геройскихъ, блистающихъ взорахъ его и вмѣстѣ съ нимъ раздѣляли его удовольствіе. — Вотъ истинная награда заслугъ и добродѣтели! — Блаженъ Монархъ, который даетъ власть и награды такимъ Начальникамъ, — счастливъ Начальникъ, который имѣетъ такихъ подчиненныхъ, —

но стократно счастливо любезное наше Отечество, которое все сіе имѣетъ! —

Имѣю честь быть и проч.

А. А. — 2-й.

Господину Издателю сочиненій А . . . Н . . . Нахимова.

Милостивый Государь!

Прежде, нежели начну о дѣлѣ, — честь имѣю доложить вамъ, что я солдатъ. И такъ прошу васъ покорно извинить, естьли въ письмѣ моемъ и прочемъ, что можетъ послѣ онаго послѣдовать, вы не найдете ни краснорѣчія, ни искуства; что касается до сердца способнаго чувствовать, и которое отъ радости всегда сильнѣе бьется, когда слышитъ честнаго человѣка говорящаго правду не въ бровь, а почти въ самой глазъ — о! — за это я вамъ ручаюсь, что въ Рускихъ солдатахъ вы скорѣе его найдете, нежели гдѣ нибудь; — доказательство тому: — когда я

и нѣкоторые мои товарищи читали сочиненія какого то Нахимова; то мы такъ прыгали отъ радости и избытка чувствъ, какъ будто бы въ старые годы случалось намъ найти кусокъ хлѣба. — Такихъ людей не много! — говорилъ мнѣ старой усачъ; когда бы всѣ такъ сильно чувствовали, какъ онъ смѣло написалъ,— то не подчивали бы насъ старыхъ псовъ напривязи помоями — сказалъ другой — Да братъ!— подхватилъ третій, — и кровь была бы дороже чернилъ!!

Между нами былъ такъ же одинъ изъ ученыхъ, которой послѣ Поэзіи на реши вомъ Пегасѣ залепѣлъ не на колокольню — но — подъ красную шапку. — Этотъ подумавши сказалъ: братцы! — какъ бы почтить память такого молодца? — Сверхъ многихъ его достоинствъ, о которыхъ я слыхалъ, онъ былъ стихотворецъ, честной человѣкъ и любилъ правду. — Припоминаю, какъ мой учитель говорилъ когда-то въ школѣ о рифмахъ богатыхъ и полубогатыхъ — кажется онъ прибавилъ, что хотя совершенно бѣдныхъ рифмъ въ поэзіи не полагается; — за то тѣ, кои ими занима-

ются весьма рѣдко бываютъ богаты — я къ тому это говорю, чтобъ дать вамъ почувствовать, что я имѣю понятіе о Поэзіи, хотя — (признаться между нами) весьма обветшалое — но здѣсь, гдѣ любятъ сочиненія Нахимова, вѣрно любятъ также искренность; не красной слогъ, а чувства цѣнятъ. — Хотитель, съ вашего согласія, напишу я къ нему строкъ пять въ Элисейскія — а одну къ строгимъ критикамъ, а можетъ быть и завистникамъ здѣшняго ученаго, полуученаго — и всякаго міра?

Вотъ, что онъ говорилъ — и мы всѣ закричали: браво! — садись! — пиши! — да здѣлай милость, просто — отъ сердца; вѣдь ты давно уже изъ школъ. — Онъ написалъ:

Призываніе тѣни А... Н... Нахимова.

Явись, почтенна тѣнь! — прими отъ сердца дань!
Не рѣчь надгробную надутаго Прелата;
Но съ чувствомъ стихъ простой Россійскаго солдата;
И громомъ истины еще на подлость грянь.
Явись Россійской нашъ Боало!
Не многоль сказано? — нѣтъ! — мало.

Милостивый Государь! Товарищи дали мнѣ довѣренность, чтобъ вамъ, какъ

другу и издателю сочиненій Нахимова, представить сіе неискуственное изображеніе глубокаго впечатлѣнія, которое произвело въ нихъ чтеніе стиховъ его — и проч.

Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ.

5. *О Баснѣ и о баснописцахъ разныхъ народовъ, извѣстіе объ ихъ жизни съ нѣкоторыми замѣчаніями на ихъ басни и самыя басни оныхъ. Опытъ распространенный Василіемъ Масловичемъ изъ первой его лекціи, читанной въ* ИМПЕРАТОРСКОМЪ *Харьковскомъ Университетѣ, по случаю Докторскаго экзамена, по словесному отдѣленію.* Въ Унив. тип. 1816 г. VI, 140 стр. въ - 8. (Г. Масловичъ оказалъ услугу любителямъ Словесности. Мы еще не читали сочиненія о семъ же предметѣ Г. А. Измайлова; но увѣрены, что сей опытъ во всякое время будетъ не безполезенъ. Г. Сочинитель между прочимъ выбралъ достопримѣчательные какъ по от-

дѣлкѣ, такъ и по другимъ отношенїямъ, басни Греческихъ Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Италїянскихъ, Французскихъ, Аглинскихъ и наконецъ Рускихъ писателей. Статья о Рускихъ баснописцахъ обильнѣе всѣхъ прочихъ и между приведенными изъ Рускихъ басенъ есть нѣсколько занимательныхъ по своему полу - Славянскому слогу; мы выписываемъ одну такову для нашихъ читателей.

Человѣкъ и песъ.

Человѣкъ нѣкїи сотвори вечерю, хотяи подчївати друга своего любїмаго, его же песъ иного прїзва пса, иже рече, друже прїиди, купно со мною будеши вечеряти, онъ же егда прїиде веселъ, велїкїя ожїдая вечери, стояше и мысляше въ мысли своеи, глаголя, се какова мнѣ радость прїключїся, стану пїтатїся и насыщенъ буду сїце, яко за утра нїкако захочу ясти, сїа же егда самъ въ себѣ глаголалъ, и хвостомъ помахївалъ, яко на друга своего уповалъ, хозяинъ вїдя его хвостомъ радость творяща, возхїтївъ за ноги, ок-

номъ выбросилъ; онъ же егда паде, съ великимъ воплемъ идяше. егоже срѣте нѣкiи песъ, како вечерялъ еси друже; рече, отвѣща ему, многiимъ пiтiемъ не по мѣрѣ упiлся, и пути не позналъ, которымъ прiшелъ.

Прiлогъ.

Прiтча знаменуетъ, яко не подобаетъ уповати на тѣхъ, которые отъ чуждаго благотворiти обѣщаются.

Начиная съ сего безымяннаго автора, Сочинитель проходитъ нашихъ писателей и говоритъ о баснях Кантемира, Ломоносова, Тредьяковскаго, Сумарокова, Эмина, Баркова, Фонъ-Визина, Майкова, Княжнина, Богдановича, Сковороды, Нахимова, Левщина, Измайлова, Хвостова, Невѣдомскаго, Крылова, Дмитрiева, Буниной, Урсовой, Нелединскаго. Касательно иностранныхъ примѣровъ Г. Сочинитель говоритъ, что онъ держался извѣстнаго *I. I. Эшенбурга*. Не входя въ дальнiя разсужденiя о сей книгѣ, мы одно только замѣтимъ, что Г. Сочинитель, какъ видно, очень торопился. При семъ случаѣ

не можемъ не вспомнить и о басняхъ самаго Г. Сочинителя напечатанныхъ имъ въ Харьковѣ 1814. 50 стр. въ-8. Басни его довольно занимательны; онѣ были бы еще занимательнѣе; естьлибъ Г. Сочинитель самъ болѣе занялся ими. Сей родъ легкихъ сочиненій не легко достается. Теперь жалуются на множество басень которыми дождитъ отвсюду; правду сказать, мы невиноваты. Наши лучшіе баснописцы вводятъ насъ въ заблужденіе. Читая Дмитріева и Крылова, мы чувствуемъ только удовольствіе отъ легкости, съ какою написаны ихъ басни; а чего имъ стоила отдѣлка, этого мы не видимъ; и закрывши книгу того, или другаго, сами начинаемъ писать: написавши нѣсколько басень съ такою же легкостію, съ какою прочли мы ихъ басни, дѣлаемся иногда несноснымъ бремянемъ для разборчивыхъ читателей. Впрочемъ басни Масловича не совсѣмъ подходятъ подъ замѣчаніе наше).

Милостивые мои Государи!

Готовность ваша благотворить бѣднымъ соотчичамъ вашимъ, посредствомъ Журнала вашего, есть и мнѣ вѣрною въ томъ порукою, что вы не откажетесь припечатать въ немъ сіе:

ДУШИ БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЯ!

Вотъ краткая исторія покорнѣйшаго просителя вашей помощи — изъ Дворянъ 12-го класса Григорія Трофимова Брагина: лучшія лѣта моей жизни я посвятилъ на службу воинскую; а до 1812 года, при маломъ жалованьѣ былъ въ службѣ статской, которую (имѣвъ отроду слишкомъ 70 лѣтъ, при бѣганіи отъ лица врага съ казеннымъ имуществомъ дому воспитательнаго съ воспитанниками, и больницы съ больными и вмѣстѣ спасая, на щетъ бѣднаго моего имущества, жену мою и семерыхъ дѣтей) растроившись въ здоровьѣ, принужденъ былъ оставить. — Съ подростомъ дѣтей, при содержаніи изъ нихъ двухъ сыновъ въ Лѣсномъ Институтѣ и третьяго въ волонтерномъ кор-

пусѣ; съ выдачею одной изъ четырехъ дочерей въ замужество, и вскорѣ вдовою ко мнѣ возвратившейся, нужды мои и бѣдность (въ полномъ смыслѣ) до того возрасли, что я ихъ не только отъ дѣтей моихъ, но и — ни отъ кого долѣе таить не могу... — Нѣсколько лѣтъ сряду на необходимыя мои нужды деньги занимая и уплачивая, и опять тоже поочереди дѣлая, и долго боровшись съ усиливавшеюся со дня на день противъ меня бѣдностію, на конецъ остаюсь должнымъ частнымъ людямъ до 3000 рублей, изъ коихъ, большею частію, по милости благодѣтельныхъ моихъ кредиторовъ, пользуюсь безъ актовъ и процентовъ. — При глубокой старости, при содержаніи себя съ семействомъ тайнымъ подаяніемъ знающихъ меня, я лишенъ всѣхъ способовъ къ уплатѣ, лежащихъ на совѣсти моей долговъ; и ежели, что еще поддерживаетъ меня, то это одна надежда. — по Богѣ — на великодушную помощь вашу — любезные мои соотчичи! что вы не дадите умереть мнѣ въ отчаяніи, и стать безот-

вѣтнымъ, послѣ суда человѣческаго, на судъ Божій.

Вамъ,
Милостивые Государи
покорнѣйшій слуга
Григорій Брагинъ.

Февраля 29 дня,
1816 года.

Калуга, куда благотворители мои благоволятъ адресовать свою милостыню на имя мое. Въ истинности безпорочной по службѣ жизни и крайней бѣдности просителя, свидѣтельствую правящій должность Калужскаго Гражданскаго Губернатора, Вице-Губернаторъ *Федоръ Загряжскій.*

Въ томъ же свидѣтельствую Калужскій Полицмейстеръ *Королевъ.*

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Особа, благоволившая при подпискѣ на Украинскій Вѣстникъ внесть двадцать пять рублей, извѣщается чрезъ сіе, что остающіеся 10 рублей, по желанію ея, будутъ доставлены малолѣтнымъ сиротамъ *Испарокомовымъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I. *Науки и Искуства.*

Стран.

1. Гетманъ Хмѣльницкій - - 7
2. О Музыкѣ - - 22,157
3. О возможности всеобщей теоріи подражательной Гармоніи слова 35
4. О Малой Россіи - - 145,304
5. О величинѣ изображаемыхъ лицъ на картинахъ разнаго рода - 163
6. Письмо къ Издателямъ о Малороссійскихъ древностяхъ - - 175
7. О управленіи людьми (изъ Стюарта) 179
8. О любви къ Отечеству, рѣчь - 273
9. О Мозаикѣ - - - - 314

II. *Живолисная Проза.*

1. Колибри - - - 41
2. Зрѣлище прекрасной ночи въ пустыняхъ Новаго Свѣта - - 46
3. Темпейская долина - - - 48
4. Изверженіе огнедышущей горы - 49
5. Черты Греческой Миѳологіи - - 51
6. Греческая весна - - - 133
7. Боги Греціи - - - - 185
8. Аполлонъ Бельведерскій - - 187

Стран.

8. Ніагарскій водопадъ - - - 190
10. Буря и змѣиная пещера въ Перу 192
11. Соловей - - - - - 319
12. Умирающій Лебедь - - - 321
13. Первая Элегія Мессинянъ - - 324
14. Гробницы - - - - 327

III. *Дѣтское чтеніе.*

1. Валентинъ Дюваль - - - 54
2. Юстинъ, или добрый братъ - 197, 329

IV. *Стихотвореніе.*

1. Псаломъ 20 й - - - - 68
2. Къ Меценату (изъ Горація). - 70
3. Моя мечта - - - - 74
4. Къ Б-д-н-с-к-му - - - - 76
5. Полночь - - - - - 79
6. Псаломъ 43-й - - - - 220
7. Къ И. И. Д—ву - - - - 224
8. Одинъ изъ моихъ вечеровъ - - 227
9. Въ Альбомъ дѣвицѣ... - - - 228
10. Пѣснь Іосифа въ неволѣ - - 229
11. Посланіе къ А. И. Левшину - - 230
12. Мое желаніе - - - - 233
13. Графу Сергѣю Михайловичу Каменскому - - - - 343

Стран.

14. Къ Валгїю (изъ Горацїя) - - 348
15. Москова Идиллія - - - 349
16. Петраркинъ Сонетъ - - - 351
17. Къ другу при разлукѣ - - 352
18. П. Г. Т—ву - - - - 354
19. Эпиграммы - - - - 357

V. *Харьковскія записки.*

1. Университетъ - - - - 80
2. Благотворительное Общество 94,238,358
3. Библейское Общество - - 102,234
4. Крещенская ярмонка - - 105
5. Письма въ Херсонъ - - 109,371
6. 1е Письмо къ Издателямъ - - 248
7. 2е Письмо къ Издателямъ - - 368

VI. *Смѣсь.*

1. Извѣстїе отъ Совѣта Благотворительнаго Общества - - 129
2. Письма Фалалея Повинухина - 130,255
3. Отрывки - - - - - 251
4. Письмо изъ Херсона - - - 384
5. Библїографія - - - 137,262,394
6. Письмо къ Издателю соч. А. Н. Нахимова - - - - 387
7. Письма къ Изд. о нещастныхъ 143,270,398
8. Увѣдомленія - - - 144,271,400

ПОГРѢШНОСТИ.

				Напечатано.	*Читай.*
Стран.	45.	строк.	8.	его ш. е.	гнѣздышка.
—	48.	—	8.	дышетъ	дышешъ
—	126.	—	13.	Е — въ	С — въ
—	128.	—	26.	учился живо	учишся, живи
—	178.	—	15.	вашъ,	вамъ,
—	325.	—	6 сн.	возвещающій	возвѣщающій
—	326.	—	10 -	кромко	громко
—	327.	—	13 -	живописы	живописи
—	—	—	8 -	провѣсть	провесть
—	350.	—	10 -	что	кто

Каждый мѣсяцъ будетъ выходить одна книжка; три такихъ книжки составятъ часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Издатели съ благодарностію будутъ принимать присылаемыя къ нимъ сочиненія и печатать, — естьли они соотвѣтствуютъ цѣли журнала; но не обязываются пересылать обратно къ сочинителямъ тѣ изъ нихъ, кои по какимъ нибудь причинамъ не могутъ быть напечатаны.

Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ съ надписью на конвертѣ: *Издателямъ Украинскаго Вѣстника въ Харьковѣ.* Подписная цѣна за всѣ 12ть книжекъ здѣсь въ Харьковѣ 15 руб.; а съ пересылкою въ другіе города 18 руб.

Желающіе получать сей Журналъ благоволятъ подробно при подпискѣ означать свой чинъ, имя, отчество и фамилію для вѣрнѣйшаго доставленія книжекъ.

Содержаніе 3й Книжки.

		Стр.
I.	*Науки и искуства.*	
	Рѣчь, о любви къ Отечеству	273
	О Малой Россіи (Окончаніе)	304
	О Мозаикѣ	314
II.	*Живописная проза.*	
	Соловей (Изъ Бюффона)	319
	Умирающій Лебедь (изъ Гердера)	321
	Первая Элегія Мессинянъ (изъ Бартелеми)	324
	Гробницы (изъ Сен-Піера)	327
III.	*Дѣтское чтеніе.*	
	Юспинъ, или добрый братъ (Окончаніе)	329
IV.	*Стихотворенія.*	
	Графу Сергѣю Михайловичу Каменскому	34[illegible]
	Къ Валгію (Горац. кн. II. ода 9-я)	345
	Москова Идиллія	349
	Петраркинъ Сонетъ	351
	Къ другу при разлукѣ	352
	П. Г Т — ву	354
	Эпиграммы	357
V.	*Харьковскія записки,*	
	Харьковское Общество Благотворенія (Продолженіе)	358
	Письмо къ Издателямъ, о подложномъ золотѣ	372
	Письмо 3-е въ Херсонъ	375
VI.	*Смѣсь.*	
	Письмо изъ Херсона	388
	Господину Издателю сочиненій А. Н. Нахимова	391
	Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ	394
	Письмо къ Издателямъ (о бѣдномъ семействѣ.)	398
	Увѣдомленіе	400